

Департамент образования г.Арзамаса
Нижегородской области
МОУ СОШ №2 им.А.С. Пушкина

Исследовательская работа

Загадки личности Лжедмитрия I

Выполнил: Елдашев С.С.
учащийся 11 класса

Научный руководитель:
заместитель директора,
учитель истории высшей
квалификационной категории
Гудакова Л.И.

г.Арзамас

Содержание.

Введение.	3
Глава 1. Социально-экономические и политические причины смуты.	
1.1. Борьба за власть после смерти Ивана Грозного.	5
1.2. Политические корни смуты.....	12
1.3. Социально-экономические причины смуты.	17
Выводы по 1 главе.	20
Глава 2. Лжедмитрий I и его место в русской истории.	
2.1. Борьба за царский тон.....	22
2.2. Правление Российским государством.	30
Выводы по 2 главе.....	36
Глава 3. Загадки личности Лжедмитрия I в истории.	37
Выводы по 3 главе.....	54
Заключение.....	55
Литература.....	61
Приложения.....	63

Введение.

Смута – это время, когда на царский престол могла взойти личность Лжедмитрия I, о которой до настоящего времени среди историков не утихают споры.

Кем же он был? Что бы произошло с российской историей, если бы не удался заговор Шуйских? Возможно, народно признанный царь Дмитрий – сын Ивана Грозного продолжил бы род Рюриковичей, которые правили Русью 700 лет, и не было бы новой царской династии Романовых, а двадцатилетнее правление семьи Годуновых трактовалась бы, как узурпация трона через попытку убийства прямого наследника. На эти вопросы сейчас не возможно ответить, но постараться разобраться с историческими, социальными, политическими и экономическими предпосылками, приведшими на трон Лжедмитрия I, изучить загадки его личность, опираясь на исторические источники возможно.

Истории самозванства Лжедмитрия I посвящена обширная литература. Неизвестно, кто он был на самом деле, хотя о его личности делалось много разысканий и высказано много догадок. Большинство историков признает в нем Григория Отрепьева. Костомаров прямо говорит, что ничего не знает о его личности, а В.С. Иконников и граф С. Д. Шереметев, профессор Бестужев - Рюмин признают в нем настоящего царевича.

Самый крупный знаток Смутного времени С. Ф. Платонов пришел к заключению, что вопрос о личности самозванца не поддается решению. Столь же осторожной была точка зрения профессора В.О. Ключевского. Как отметил этот историк, личность неведомого самозванца остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто другой.

Советские историки сосредоточили внимание в изучении Смутного времени на рассмотрении вопроса закрепощения крестьян как главной предпосылке первой крестьянской войны и анализе массовых выступлений низов за «доброе царя». Вопрос о личности самозванцев, воплощавших идею «доброе царя», отступил в тень.

Таким образом, споры о личности Лжедмитрия I не стихают до настоящего времени. Данные споры объясняют актуальность и выбор темы исследования.

Основной целью работы является анализ исторических, социальных, политических и экономических предпосылок, приведших на Российский трон Лжедмитрия I, и связанных с этим исторических противоречий.

Объект исследования – личность Лжедмитрия I и его место в Российской истории.

Предмет исследования – загадки личности Лжедмитрия I.

В соответствии с целью в исследовании определены следующие задачи:

1. провести анализ исторических источников о социально-экономических и политических предпосылках возникновения Смуты;

2. на основе исторического материала разобрать субъективные и объективные предпосылки взошествия на престол Лжедмитрия, определить его роль в Российской истории;

3. проанализировать, имеющие исторические противоречия по личности самозванца.

Теоретическую основу исследования составили исследования Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, Н.И. Костомаровым, С. Ф. Платонова, С.М. Соловьева, Т.В. Татищева по смутному времени и личности Лжедмитрия I.

Методическую основу исследования составили методы анализа и синтеза исторической и публицистической литературы.

Теоретическая значимость. В данной работе проведен анализ исторических источников о социально-экономических и политических предпосылках возникновения Смуты; на основе исторического материала разобраны субъективные и объективные предпосылки взошествия на престол Лжедмитрия, определить его роль в Российской истории.

Практическая значимость исследования заключается в том, что в работе на основании анализа исследования Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, Н.И. Костомаровым, С. Ф. Платонова, С.М. Соловьева, Т.В. Татищева по смутному времени и личности Лжедмитрия I сделана попытка определить кем же был Дмитрий Иоаннович.

Исследовательская работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка, используемой литературы, приложений.

Глава 1. Социально-экономические и политические причины смуты.

1.1. Борьба за власть после смерти Ивана Грозного.

Начальным фактом и ближайшей причиной смуты послужило прекращение царской династии. Совершилось это прекращение смертью трех сыновей Ивана Грозного: Ивана, Федора и Дмитрия. Старший из них, Иван, был уже взрослым и женатым, когда был убит отцом. Характером он вполне походил на отца, участвовал во всех его делах и потехах и, говорят, проявлял такую же жестокость, какая отличала Грозного. После смерти самого Грозного в живых остались два сына: Федор и, ребенок еще Дмитрий, рожденный в седьмом браке Грозного с Марией Нагой.

Составленная умирающим Иоанном из пяти Вельмож Верховная Дума: Князя Ивана Мстиславского - старшего Боярина и Воеводы, Никиты Романовича Юрьева - дяди Государева, Князя Петра Шуйского, Богдана Бельского – пестуна царевича Дмитрия и первого любимца Иоаннова, и Бориса Годунова – брата жены царевича Федора «...в самую первую ночь (18 марта 1584 года) после смерти Грозного выслала из столицы многих известных служников Иоанновой лютости, других заключила в темницы, а к родственникам вдовствующей Царицы, Нагим, приставила стражу, обвиняя их в злых умыслах (вероятно, в намерении объявить юного Димитрия наследником Иоанновы). Москва волновалась; но Бояре утишили сие волнение: торжественно присягнули Феодору вместе со всеми чиновниками, и в следующее утро письменно обнародовали его воцарение»[16,Т.10, с.4].

Царем сделался Федор. Иностранные послы Флетчер и Сапега рисуют Федора довольно определенными чертами. Царь ростом был низок, с опухлым лицом и нетвердой походкой и притом постоянно улыбался. Сапега, увидав царя во время аудиенции, говорит, что получил от него впечатление полного слабоумия. Таким же его описывает Н.М. Карамзин: «На громоносном престоле свирепого мучителя Россия увидела постника и молчальника, более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного: так, в часы искренности, говорил о Феодоре сам Иоанн, оплакивая смерть любимого, старшего сына. Не наследовав ума царственного, Федор не имел и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен, всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом, от слабости в ногах; одним словом, изъяслял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и душевных» [16,Т.10 с.6].

Говорят, Федор любил звонить на колокольне, за что еще от отца получил прозвище звонаря, но вместе с тем он любил забавляться шутами и травлей медведей. Настроение духа у него было всегда религиозное, и эта религиозность проявлялась в строгом соблюдении внешней обрядности. От забот государственных он устранился и передал их в руки своих ближних бояр. В начале его царствования из боярской среды

**Царь и Государь Всея Руси
Федор Иоаннович
(1584-1598)**

особенно выдавались: Борис Годунов и Никита Романович Захарьин-Юрьев. Так шло до 1585 года, когда Никита Романович неожиданно был поражен параличом и умер. Власть сосредоточилась в руках Бориса Годунова, но ему пришлось бороться с сильными противниками — князьями Мстиславским и Шуйскими. Борьба эта принимала иногда очень резкий характер и кончилась полным торжеством Годунова. Мстиславский пострижен, а Шуйские со многими родственниками подверглись ссылке.

Пока все это происходило в

Москве, Мария Нагая с сыном и со своей родней продолжала жить в Угличе в почетной ссылке.

Понятно, как должна была относиться она и все

Нагие к боярам, бывшим у власти, и к Годунову, как влиятельнейшему из них. Нагая была жена Ивана Грозного, пользовалась его симпатией и общим почетом, и вдруг ее, царицу, выслали в далекий удел — Углич и держали под постоянным надзором. Углич вскоре превратился в оппозиционный центр. Бояре ожидали смерти царя Федора, чтобы оттеснить Годунова от власти и править от имени малолетнего царевича. Однако 15 мая 1591 года царевич Дмитрий погибает при загадочных обстоятельствах. Следственная комиссия под предводительством боярина Василия Шуйского дала заключение, что это был несчастный случай. Но оппозиционеры начали усиленно распускать слухи о преднамеренном убийстве по приказу правителя Годунова. Позднее появилась версия о том, что был убит другой мальчик, а царевич спасся и ждет совершеннолетия для того, чтобы вернуться и наказать «злодея».

Дворцовая смута привела Годунова к регентству, к которому он так стремился. Соперников у него после падения Шуйских не было. Государь Федор Иванович очень любил свою супругу Ирину, а Годунов, в свою очередь, имел на сестру большое влияние. Таким образом, боярин Годунов приобрел исключительное влияние в царстве.

Роль, выпавшая на долю Годунова, как регента, была очень трудна: надо было умиротворить землю, надо было бороться с указанным выше кризисом.

Конечно, Годунов не мог разрешить противоречий, к которым привел Россию весь предшествующий ход истории. Но пока Царь Федор занимался либо пиршествами, либо богомольными делами, «...в то время Правительство уже неусыпно занималось важными делами государственными, исправляло злоупотребления власти, утверждало безопасность внутреннюю и внешнюю. Во всей России, как в счастливые времена Князя Ивана Бельского и Адашева, сменили худых наместников, Воевод и судей, избрав лучших; грозя казнию за неправду, удвоили жалованье чиновников, чтобы они могли пристойно жить без лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, где надлежало восстановить честь оружия или спокойствие отечества. Начали с Казани. Еще лилась кровь Россиян на берегах Волги, и бунт кипел в земле Черемисской: Годунов более умом, нежели мечем, смирил мятежников, уверив их, что новый Царь, забывая старые преступления, готов, как добрый отец, миловать и виновных в случае искреннего раскаяния; они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности. Тогда же Борис велел строить крепости на Горной и Луговой стороне Волги, Цывилъск, Уржум, Царев-город на Кокшаге, Санчурек и другие, населил оные Россиянами, и тем водворил тишину в сей земле, столь долго для нас бедственной» [16,Т.10, с.14].

В 1590 году во время очередной войны со Швецией России удалось вернуть потерянные при Иване Грозном города Ям, Копорье, Ивангород.

«В 1591 году крымский хан Калы – Гирей попытался совершить набег на Москву. Его разбили под стенами города недалеко от Данилова монастыря. Это был последний татарский набег на столицу Российского государства»[15,с.41].

В царствование Федора Иоанновича на Белом море был заложен город Архангельск, а в Сибири построены крепости Тобольск, Пелым, Березов, Обдорск (в настоящее время Салехард) и другие.

«Одним из немногочисленных решений самого Федора Иоанновича было учреждение в 1589 году патриаршества. Первым Патриархом Московским стал митрополит Иов, а Константинопольский патриарх благословил его»[17,с.164].

В 1594 году умерла царевна Феодосия, дочь Федора. Сам царь был недалек от смерти. Есть указания, что еще в 1593 году московские вельможи рассуждали о

кандидатах на московский престол и намечали даже австрийского эрцгерцога Максимилиана. Это указание очень ценно, так как показывает настроение боярства. В 1598 году скончался Федор, не назначив наследника. Все государство признало власть вдовы его Ирины, но она отказалась от престола и постриглась в монахини в Новодевичьем монастыре. «Открылось междуцарствие. Было четыре кандидата на престол: Ф.Н. Романов, Б.Ф. Годунов, князь Ф.И. Мстиславский и Б.Я. Бельский. Шуйские тогда занимали приниженное положение и не могли являться кандидатами. Самым серьезным претендентом, по мнению Сапеги, был Романов, самым дерзким – Бельский»[20,с.248].

**Царь и Государь Всея Руси
Борис Федорович Годунов
(1598 – 1605)**

Между претендентами шла оживленная борьба. В феврале 1598 г. был созван собор. По своему составу он ничем не отличался от других бывших соборов, и никакой подтасовки со стороны Годунова подозревать нельзя. Наоборот, по своему составу собор был скорее неблагоприятен для Бориса, так как главной опоры Годунова – простых служилых дворян – на нем было мало, а лучше и полнее всего была представлено московское аристократическое дворянство, не особенно благоволившее к Годунову.

Однако на соборе 21 февраля 1598 Царем и государем Всея Руси был избран Борис Федорович Годунов.

Правление Бориса Годунова оказалось очень удачным для России. Когда он впервые в 1584 году, по просьбе Федора Иоанновича, принял на себя управление государством, ему было всего 32 года, и он находился в расцвете умственных и физических сил. После Иоанна Грозного Московское государство, утомленное бесконечными войнами и страшной неурядицей, нуждалось в умиротворении. Умная политика правителя в начале его государственной деятельности сопровождалась явным успехом. Об этом имеются определенные свидетельства. Во-первых, все иностранцы-современники и наши древние сказители говорят, что после смерти Грозного, во время Федора, на Руси настала тишина

и сравнительное благополучие. «Не принадлежащий к поклонникам Годунова Буссов в своей «Московской хронике» говорит, что народ «был изумлен» правлением Бориса и прочил его в цари, если, конечно, естественным путем прекратится царская династия» [25,с.37]. А живший в России восемь лет (1601—1609) голландец Исаак Масса, который очень не любил Годунова и взвел на него много небылиц, дает о времени Федора Ивановича следующий характерный отзыв: «Состояние всего Московского государства улучшалось и народонаселение увеличивалось. Московия, совершенно опустошенная и разоренная вследствие страшной тирании покойного великого князя Ивана и его чиновников... теперь, благодаря преимущественно доброте и кротости князя Федора, а также благодаря необыкновенным способностям Годунова, снова начала оправляться и богатеть»[26,с.270].

Во внутренней политике Бориса, когда о ней изучаются показания русских и иностранных современников, очень заметна одна крайне гуманная черта - защита вдов и сирот, забота о нищих, широкая благотворительность Годунова во время голода и пожаров. В то тяжелое время гуманность и благотворительность были особенно уместны, и Борис Годунов благотворил щедрой рукой. Кроме разнообразных льгот, он облегчал и даже освобождал от податей многие местности на три, на пять и более лет. Эта широкая благотворительность представляла собой только один вид многообразных забот Бориса, направленных к поднятию экономического благосостояния Московского государства.

Другой вид этих забот представляют меры, направленные к оживлению упавшей торговли и промышленности. «Упадок же промышленности и торговли действительно доходит в то время до страшных размеров, в чем убеждают нас цифры Флетчера. Он говорит, что в начале царствования Ивана IV лен и пенька вывозились через Нарвскую гавань ежегодно на ста судах, а в начале царствования Федора - только на пяти, стало быть, размеры вывоза уменьшились в 20 раз»[11, с.211].

Для оживления промышленности и торговли, для увеличения производительности, Годунов дает торговые льготы иностранцам, привлекает на Русь знающих дело промышленных людей (особенно настоятельно он требует рудознатцев). Он заботится также об устранении косвенных помех к развитию промышленности и безопасности сообщений, об улучшении полицейского порядка, об устранении разного рода административных злоупотреблений. Таким симпатичным характером отличалась государственная деятельность регента Годунова.

Внешняя политика времени Бориса не отличалась какими-либо крупными предприятиями и не всегда была вполне удачна. С Польшей шли долгие переговоры и пререкания по поводу избрания в польские короли царя Федора, а позднее — по поводу

взаимных отношений Швеции и Польши (известна их вражда того времени, вызванная династическими обстоятельствами). На западе цель Бориса была вернуть Ливонию путем переговоров; но войной со Швецией, как уже говорилось выше, ему удалось вернуть лишь те города, какие были потеряны Грозным.

В 46 лет этот опытный, осторожный государственный деятель становится государем Всея Руси. Первые три года царствования Годунова прошли спокойно, но с 1601 пошли неудачи. Наступил страшный голод, продолжавшийся до 1604 г. и во время которого погибло много народу. Масса голодного населения разбрелась по дорогам и стала грабить. В 1600 году появились первые слухи, что царевич Дмитрий жив.

Все историки согласны в том, что в появлении Лжедмитрия I главная роль принадлежала московскому боярству. Может быть, в связи с появлением слухов о самозванце началась опала, постигшая сначала Бельского, а затем и Романовых, из которых наибольшей популярностью пользовался Федор Никитич. В 1601 г. они все были отправлены в ссылку, Федор Никитич был пострижен под именем Филарета. Вместе с Романовыми были сосланы их родственники: князья Черкасские, Ситские, Шестуновы, Карповы, Репины.

Вслед за ссылкой Романовых стали свирепствовать опалы и казни. Годунов, очевидно, искал нити заговора, но ничего не находил. А между тем озлобление против него усиливалось. Старое боярство (бояре-князья) понемногу оправлялось от гонений Грозного и становилось во враждебные отношения к царю неродовитому.

Оставшиеся годы жизни Борис Годунов провел, пытаясь восстановить в стране порядок, сражаясь с боярами и Лжедмитрием, и умер 13 апреля 1605 года в разгар этой борьбы.

Федор Борисович Годунов стал Царем и государем Всея Руси в 16 лет, когда в 1605 году неожиданно умер его отец, Борис Федорович Годунов, оставив его наследником престола.

Положение в стране в тот момент было крайне тяжелое. Лжедмитрий I набирал силу: его признали южные области страны, численность его войска увеличивалась, бояре, ненавидевшие Годуновых, были готовы оказать самозванцу всяческую поддержку.

Царь и Великий государь Всея Руси

Федор Борисович Годунов

(апрель-июнь 1605)

В июне 1605 года в столице вспыхнуло восстание: Федора, его мать и сестру сначала схватили и заперли в их прежнем доме. По приказу самозванца в Москву приехали князь Голицын и Масальский с единственной целью «покончить» с Годуновыми.

10 июня 1605 года Федор Борисович Годунов и его мать Мария Годунова, дочь Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского, широко известного под именем Малюты Скуратова, были убиты.

20 июня 1605 года Лжедмитрий торжественно въехал в Москву, а 21 июня 1605 года «самозванец» венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля и стал Царем и государем Всея Руси.

17 мая под руководством Шуйских произошло восстание против поляков в Москве и убийство Лжедмитрия I. Таким образом закончился династический период смуты. [Приложение 1].

1.2. Политические корни смуты.

Когда мы обращаемся к изучению французской революции, можно удивиться тому, как ясен этот сложный факт и со стороны своего происхождения, и со стороны развития. Легко можно следить за развитием этого факта, отлично видеть, что там факт смуты — неизбежное следствие того государственного кризиса, к которому Францию привел ее феодальный строй; ясно видно там и результат многолетнего брожения, выразившийся в том, что преобладание феодального дворянства сменилось преобладанием буржуазии.

Смутное время в государстве российском вовсе не революция и не кажется исторически необходимым явлением, по крайней мере, на первый взгляд. Началась она явлением совсем случайным — прекращением династии; в значительной степени поддерживалась вмешательством поляков и шведов, закончилась восстановлением прежних форм государственного и общественного строя и в своих перипетиях представляет массу случайного и труднообъяснимого. Благодаря такому характеру в российской истории так много различных мнений и теорий об ее происхождении и причинах.

Одну из таких теорий представляет в своей «Истории России» С. М. Соловьев. Он считает первой причиной смуты дурное состояние народной нравственности, явившееся результатом столкновения новых государственных начал со старыми дружинными. Это столкновение, по его теории, выразилось в борьбе московских государей с боярством. Другой причиной смуты он считает чрезмерное развитие казачества с его противогосударственными стремлениями. Смутное время, по мнению С.М. Соловьева, «...это время борьбы общественного и противообщественного элемента в молодом Московском государстве, где государственный порядок встречал противодействие со стороны старых дружинных начал и противообщественного настроения многолюдной казацкой среды»[32, с.127].

Другого воззрения держится К. С. Аксаков, который признает смуту фактом случайным, не имеющим глубоких исторических причин. Смута была к тому же делом «государства», а не «земли». Земля в смуте до 1612 г. была совсем пассивным лицом. Над ней спорили и метались люди государства, а не земские. Во время междуцарствия разрушалось и наконец рассыпалось вдребезги государственное здание России, говорит Аксаков: «Под этим развалившимся зданием открылось крепкое земское устройство... в 1612—13 гг. земля встала и подняла развалившееся государство»[26,с.276]. Нетрудно заметить, что это осмысление смуты сделано в духе общих исторических воззрений К. Аксакова и что оно в корне противоположно воззрениям Соловьева.

Третья теория выдвинута И. Е. Забелиным («Минин и Пожарский»); она в своем генезисе является сочетанием первых двух теорий. Причины смуты он видит, как и Аксаков, не в народе, а в «правительстве», иначе в «боярской дружинной среде» (эти термины у него равнозначные). «Боярская вообще служилая среда во имя отживших дружинных традиций (здесь Забелин становится на точку зрения Соловьева) давно уже крамольничала и готовила смуту. Столетием раньше смуты для нее созидалась почва в стремлениях дружины править землей и кормиться на ее счет. Сирота-народ в деле смуты играл пассивную роль и спас государство в критическую минуту. Народ, таким образом, в смуте ничем не повинен, а виновниками были «боярство и служилый класс»[22,с.163].

Н. И. Костомаров (в разных статьях и в своем «Смутном времени») высказал иные взгляды. По его мнению, в смуте виновны все классы русского общества, но причины этого бурного переворота следует искать не внутри, а вне России. Внутри для смуты были лишь благоприятные условия. Причина же лежит в папской власти, в работе иезуитов и в видах польского правительства. Указывая на постоянные стремления папства к подчинению себе восточной церкви и на искусные действия иезуитов в Польше и Литве в конце XVI в., Костомаров полагает, что они, как и польское правительство, ухватились за самозванца с целями политического ослабления России и ее подчинения папству. Их вмешательство придало смуте в России такой тяжелый характер и такую продолжительность.

В значительной степени наша смута зависела и от случайных обстоятельств, но что она совсем не была неожиданным для современников фактом, об этом говорят некоторые показания посла Флетчера: «...в 1591 г. издал он в Лондоне свою книгу о России (on the Russian Common Wealth), в которой предсказывает вещи, казалось бы, совсем случайные. В V главе своей книги он говорит: «Младший брат царя (Феодора Ивановича), дитя лет шести или семи, содержится в отдаленном месте от Москвы (т. е. в Угличе) под надзором матери и родственников из дома Нагих. Но, как слышно, жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя». Написано и издано было это до смерти царевича Дмитрия. В этой же главе говорит Флетчер, что «царский род в России, по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих, и произойдет переворот в русском царстве». Это известие напечатано было за семь лет до прекращения династии. В главе IX он говорит, что жестокая политика и жестокие поступки Ивана IV, хотя и прекратившиеся теперь, так потрясли все государство и до того возбудили общий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно окончиться не иначе как всеобщим восстанием. Это было напечатано, по крайней мере, лет за 10 до первого самозванца. Таким образом, в уме

образованного и наблюдательного англичанина за много лет до смуты сложилось представление о ненормальности общественного быта в России и возможном результате этого — беспорядках. Мало того, Флетчер в состоянии даже предсказать, что наступающая смута окончится победой не удельной знати, а простого дворянства» [26,с.269].

Таким образом, в конце XVI в. для многих в русском обществе были уже ясны те болезненные процессы, которые сообщили смуте такой острый характер общего кризиса.

Глубоки были политические корни смуты. В процессе объединения Московское княжество превратилось в обширное государство, сильно продвинувшееся в XVI веке к централизации. Существенным образом менялись социальная структура общества, взаимоотношения различных социальных слоев и групп, власти и общества, роль и место самодержавия. Стало иным не только общество. Власть также должна была отвечать новым условиям. Основной политической вопрос того времени — кто и как будет управлять государством, которое уже перестало быть набором разрозненных земель и княжеств, но еще не превратилось в органическое целое.

16 января 1547 года Великий князь Московский Иван IV Васильевич венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля. «Впервые в России был не только Великий князь, но и царь, единовластный правитель в полном смысле этого слова»[6,с.78]. Иван Грозный был первым царем не только потому, что первым принял царский титул, но и потому, что первым осознал все значение царской власти.

«Раньше в России никогда не было самодержавия, то есть такой системы правления, когда власть принадлежит одному человеку, а все остальные, какими бы знатными, богатыми или заслуженными они ни были, могут только покорно служить верховному правителю. Именно такую систему правления хотел установить в России Иван IV. Естественно, что князья и бояре, чьи отцы в недалеком прошлом были независимыми правителями собственных княжеств, не могли и не хотели смириться с ролью простых слуг. Естественно, что они постоянно исподволь, а то и открыто противились нововведениям царя»[7,с.130]. Не менее естественно, что раздражительному и нетерпеливому Ивану Грозному однажды это надоело. Следствием царского недовольства стал беспрецедентный по своим масштабам и жестокости террор в отношении высшей аристократии России – опричина.

Уничтожение наиболее влиятельных, независимых, князей и бояр знатных родов способствовало централизации власти Ивана Грозного, но из-за масштабов террора данная политика имела для России плачевные последствия. С.Ф.Платонов писал:

«...нельзя не признать, что террор, устроенный Грозным, был вообще ужасен и подготовлял страну к смуте и междоусобию»[26,с.206].

На фоне террора еще ярче проявляются противоречия, вызванные борьбой за власть возле трона в элите московского общества. Смерть Ивана Грозного была внезапной, он умер за игрой в шахматы. Оставленная им Верховная Дума – «пентархия», по данным Н.И. Карамзина состояла из Князей И. Мстиславского, П. Шуйского, дяди Государева Н.Юрьева, пестуна царевича Дмитрия Б.Бельского и шурина царя Б.Годунова начала борьбу между собой за власть у трона. Первым пал Богдан Бельский и клан Нагих, еще до официального венчания Федора из Москвы в Углич был удален с матерью и почти всей родней полуторагодовалый царевич Дмитрий, а Бельский сослан воеводой в Нижний Новгород. На вопрос, кем был организован бунт многотысячной толпы, осадившей Кремль, с требованиями выдать Бельского, историки точного ответа не дают, т.к. удаление от трона одного из влиятельнейших сановников, а вместе с ним жены Ивана Грозного с наследником престола царевичем Дмитрием было выгодно и Мстиславскому, и Шуйскому, и Юрьеву, и Годунову. Помимо прочего это означало падение политической роли клана Нагих.

Смерть Никиты Романовича Юрьева, победа в борьбе с Мстиславским и Шуйским привела Годунова на пост регента государства российского. Начиная с 1587 года и до своей смерти в 1605 году, Борис Федорович Годунов единолично правит Россией.

Гибель царевича в мае 1591 г. оказалась «неслучайной случайностью»[8]. У Бориса Годунова в этот момент не было непосредственной заинтересованности в смерти Дмитрия. Но смерть наследника престола и смерть в 1594 году царевны Феодосии, после смерти Федора в 1598 году означали прекращение наследственной династии московских Рюриковичей.

«Обоснование легитимности власти нового монарха и основываемой им династии нуждалось в свежих принципах. В 1598 г. избирательный Земский собор стал как бы рупором проявления божественного выбора. Естественно, в тогдашних текстах обосновывалось избрание Бориса прежде всего предпочтением высших сил, но также и вполне реальными мотивами: его превосходными качествами правителя, результатами его деятельности по управлению страной, его родством (через сестру, жену царя Федора) с ушедшей династией. Как бы то ни было, консолидация элиты, основной массы служилого дворянства вокруг фигуры Годунова в 1598 г. несомненна». [13, с.464]

Росту авторитета Бориса способствовала успешная внешняя политика. Он сумел продлить перемирие с Польшей, а после удачной для России войны со Швецией (1590-1593) вернул города Ям, Орешек, Иван-город и другие, получив выход к Балтийскому

морю. В Западную Сибирь были посланы значительные отряды стрельцов, которые закрепили власть царя над сибирскими землями. Россия утвердилась на Северном Кавказе; в устье р. Терек была построена крепость. «Однако крепостническая политика, которая помогла ему заручиться поддержкой широких слоев феодалов, особенно служивого среднего дворянства, имела оборонную сторону: она вызвала глубокое недовольство крестьянства. Феодалская знать, потерпевшая поражение в споре за престол, продолжала оставаться в оппозиции, выжидала удобного момента для нового выступления против власти Бориса Годунова»[14, с.79].

Боярская аристократия, стремившаяся к ограничению власти царя в свою пользу, усилила борьбу против Бориса Годунова. Именно в этих оппозиционных кругах была впервые выдвинута и опробована идея самозванства как способа борьбы с царем. Первые элементы легенды о царевиче-избавителе появились еще в середине 80-х годов, когда в Москве начали ходить толки о подменах рождавшихся мертвыми детей у царицы Ирины. В начале XVII века эта легенда получила широкое хождение не только в столице, но и в отдаленных уголках страны. И вот в 1600 году появляются первые слухи о «чудо спасшемся царевиче Дмитриии», а в 1603 году против Годунова поднялся объявившийся в Польше «царевич Дмитрий». «Идея самозванства была новой для российской политической традиции и явно носила «авторский» характер. Полагают, что ее создателями были лютые враги Годунова бояре Романовы, в доме которых некоторое время жил исполнитель главной роли — бедный галицкий дворянин Григорий Отрепьев». [5, с.25]

«Так готовилась Россия к ужаснейшему из явлений в своей истории; готовилась долго: неистовым тиранством двадцати четырех лет Иоанновых, адскою игрою Борисова властолюбия...»[16,Т.10,с.156].

1.3. Социально-экономические причины смуты.

В области экономической, причина смуты — это хозяйственный кризис, вызванный продолжительной Ливонской войной и притеснениями опричнины. Оскудение и разорение России при Иване Грозном между тем даром не прошло. Крестьяне массами уходили на новые земли от крепостей и государственной тягости. Эксплуатация оставшихся усиливалась. Земледельцы были опутаны долгами и повинностями. Все более затруднялся переход от одного помещика к другому. При Борисе Годунове было издано еще несколько указов, усиливающих крепостную неволю. В 1597г – о пятилетнем сроке поиска беглых, в 1601—02 – об ограничении перевода крестьян одними землевладельцами от других. Желания дворянства исполнялись. Но общественная напряженность от этого не ослабевала, а лишь росла.

Даже относительно благополучное правление царя Федора Ивановича не привело к стабилизации положения. Разрушительные тенденции, порожденные острыми социальными и политическими противоречиями, получили дальнейшее развитие. Экономический кризис стимулировал усиление крепостничества, что вело к росту социальной напряженности в обществе.

«Ливонская война принуждала государство увеличивать налоги крестьян. Помимо обычных налогов, практиковались чрезвычайные и дополнительные. Опричнина нанесла крестьянам огромный материальный вред, «походы» и эксцессы опричников разоряли население. Опричнина — худший вариант разрешения общегосударственных проблем управления страной в условиях Ливонской войны и возраставших финансовых потребностей. Начался экономический упадок крестьянских хозяйств, дополненный стихийными бедствиями, невиданными по масштабам неурожаями, голодом и массовыми эпидемиями, поразившими страну». [28, с.53]

На исходе столетия сплошь маломощные дворохозяства, резко сократились площади наделов. Налицо чувствительное утяжеление эксплуатации крестьян государством и феодалами. Важно и то, что в совокупной феодальной ренте государственно-централизованной принадлежали теперь ведущие позиции, она преобладала среди денежных обязательств крестьянского двора. Царские подати, царевы тягло называли современники чаще других в качестве причины запустения. Тем самым менялся в определенной мере адрес недовольства крестьянства — им становилась центральная власть.

«В годы экономического регресса проявился новый вариант преодоления затруднений. Стратегия крестьян выражалась в том, что основные или значимые усилия

выводились за пределы государственного налогообложения. В этом были заинтересованы и помещики. Происходило это по преимуществу двумя способами. Во-первых, возрос удельный вес всякого рода промысловых и домашних занятий. Во-вторых, что важнее, в земледелии резко увеличилось значение аренды. В конце XVI века это была по преимуществу аренда земель соседних феодальных собственников или же из государственного фонда поместных пустошей. Все эти явления фиксируют в реальном течении жизни тенденции некрепостнического развития на экономическом уровне. Именно поэтому мы вправе рассматривать Смуту и как отражение в реалиях социальной, политической борьбы двух подспудных, экономических направлений развития общества. Только не одинаков удельный вес тенденций крепостнической и некрепостнической эволюции — первая была намного мощнее и распространеннее второй». [27, с.162]

В обществе были силы помимо крестьянства, объективно заинтересованы в повороте. Это различные разряды приборных служилых людей (стрельцов, служилых казаков, пушкарей и т.п.), население южной пограничной зоны вообще. Здесь, в районах новой колонизации социальная размежеванность местного общества была мало заметна по сравнению со староосвоенными районами. Противоречия между этим регионом и центром превалировали над внутренними конфликтами. «К тому же, сюда стекались наиболее активные в социальном и хозяйственном плане элементы российского общества. Пограничье делало привычным обращение к оружию в затруднительных случаях. Суровость обстановки породила особенный тип крестьянина, горожанина, служилого человека»[3,с.87]. Наконец, в несомненной оппозиции к власти находилась значительная часть горожан. Это порождалось традиционным набором: тяжелым налоговым прессом, произволом местных властей, непоследовательностью правительства в своей городской политике.

В 1601-03 гг. в стране разразился небывалый голод. Это непредвиденное трагическое событие сыграло едва ли не роковую роль в судьбе царя Бориса и начале пика Смуты.

Сначала шли проливные дожди 10 недель, потом, в конце лета, мороз повредил хлеб. На будущий год опять неурожай. Наступил страшный голод, о котором Н.М.Карамзин писал: «Тогда началось бедствие, и вопль голодных встревожил царя. Не только гумна опустели, и четверть ржи возвысилась ценою от 12 и 15 денег до 3 рублей. Борис велел отворить царские житницы в Москве и других городах; убедил духовенство и вельмож продавать хлебные запасы свои также низкой ценою; отворил казну: в 4-х оградах, сделанных близ деревянной стены московской, лежали кучи серебра для бедных: ежедневно, в час утра, каждому давали 2 московки, деньгу или копейку, — но голод

свирепствовал: ибо хитрые корыстолюбцы обманом скупали дешевый хлеб в житницах казенных, святительских, боярских, чтобы возвышать цену и торговать им с прибытком бессовестным: бедные, получая в день лишь копейку серебряную, не могли питаться...»[16,Т10 с.68].

Последствия были тяжелыми, несмотря на все мероприятия, призванные облегчить положение простых людей. Только от болезней, последовавших за голодом, в одной Москве умерло около 130 тысяч человек, в селах и в других областях от голода и холодов еще несравненно более, зимой люди десятками замерзали на дорогах.

Многие от голода отдавали себя в холопы, и, наконец, нередко господа, не в силах прокормить скот, выгоняли слуг. На окраины, особенно южные и юго-западные бежало множество людей. Там скапливался горячий материал, готовый вспыхнуть в любое время. Начались разбои и волнения беглых и гулящих людей, которые действовали под самой Москвой.

В 1603 году началось восстание Хлопка. Оно вспыхнуло в юго-восточных уездах страны, где собрались тысячи холопов, из которых, судя по прозвищу, вышел их предводитель, и других обездоленных людей. Восставшие громили дворянские имения. Их отряды собрались в огромное и двинулись к столице. Против «воров» было брошено большое войско во главе с молодым талантливым полководцем, окольным И.Ф.Басмановым. В октябре 1603г оба войска сошлись к западу от Москвы. Повстанцы неожиданно напали на авангард Басманова, разгромили его, погиб и главнокомандующий. Сражение основных сил было ожесточенным и кровопролитным. Лишь с большим напряжением правительственное войско одолело сермяжную рать Хлопка. Его взяли в плен и казнили, как и многих повстанцев. Но другие спаслись, бежали туда, откуда пришли: на юго-западные окраины.

Голод и другие несчастья обострили все противоречия. Народ связывал бедствия страны с убийством Дмитрия и несправедным воцарением Годунова. Восстание Хлопка было кульминацией «голодных бунтов» 1601-03 гг и в дальнейшем переросло в движения времени самозванцев.

Выводы по 1 главе.

Рассматривая социально-экономические и политические предпосылки возникновения «Смуты» на Руси можно сделать следующие выводы.

Основными политическими причинами возникновения «Смутного времени» являются:

1. Устанавливая централизованную, самодержавную власть Иван Грозный, через опричнину, организовал невиданный террор аристократической верхушки российского государства, что вызвало неприятие самодержавной власти со стороны наиболее знатных и влиятельных княжеских и боярских родов.

2. Образование за несколько дней до смерти Иоанном IV Васильевичем Верховной Думы – «пентархии» привело к обострению политической борьбы между верхушкой боярства государства российского. В этой борьбе столкнулись наиболее старинные и уважаемые боярские роды, ведущие свое генеалогическое древо от Рюриковичей и Гедиминовичей и «молодые» боярские роды, получившие власть в результате родства с царской фамилией. Победил в этой борьбе род Годуновых, чем восстановил против своей власти остальную аристократическую элиту Всея Руси.

3. Прекращение царской династии Рюриковичей привело к тому, что Царем и Великим государем Всея Руси был «всенародно» выбран Борис Федорович Годунов, что привело к новой вспышке борьбы за царский трон со стороны других претендентов на него, которые считали себя незаслуженно обойденными. К ним можно отнести роды Шуйских, Бельских, Мстиславских, Романовых.

4. Смерть одного из наследников на российский престол царевича Дмитрия, окутанная тайной и по настоящее время, породила множество слухов в конце XVI века и позволила применить новый способ в политической борьбе – самозванство».

К внешнеполитическим причинам смуты можно отнести стремление папства к подчинению себе восточной церкви и искусные действия иезуитов в Польше и Литве. Для достижения данной цели ими были использованы польское правительство и «самозванство».

К социально – экономическим предпосылкам возникновения «Смутного времени», основным их проявлениям можно отнести следующее:

1. Непомерные государственные повинности на ливонскую войну привели к разорению и оскудению России. Помимо обычных налогов, практиковались чрезвычайные и дополнительные. Опричнина нанесла крестьянам огромный материальный вред, «походы» и эксцессы опричников разоряли население.

2. Потеря выхода к Балтийскому морю привела к резкому снижению торговли с зарубежными странами и огромным финансовым потерям.

3. Усиление крепостной и государственной тягости, вследствие ряда царских указов 1592, 1597 и 1601 годов, привело к массовым уходам крестьян на новые земли. Желание служивого дворянства в закреплении за их землями крестьян исполнялось, но общественная напряженность от этого не ослабевала, а лишь росла.

4. Усиливались большие противоречия между московским привилегированным и окраинным, особенно южным дворянством.

5. Составившееся из беглых крестьян и иных вольных людей козачество, представляло собой горючий материал на южных границах государства: во-первых, у многих были кровные обиды на государство и бояр-дворян, во-вторых, это были люди, главное занятие которых составляли война и грабеж.

6. Разразившийся в 1601-03 годах в государстве небывалый голод привел к тому, что многие от голода отдавали себя в холопы, и, наконец, нередко господа, не в силах прокормить скот, выгоняли слуг. На окраины, особенно южные и юго-западные бежало множество людей. Там скапливался горячий материал, готовый вспыхнуть в любое время. Начались разбои и волнения беглых и «гулящих» людей, которые действовали под самой Москвой. Народ связывал бедствия страны с убийством Дмитрия и несправедным воцарением Годунова.

Голод и другие несчастья обострили все противоречия. Восстание Хлопка было кульминацией «голодных бунтов» 1601-03 гг. и в дальнейшем переросло в движения времени самозванцев.

«Так готовилась Россия к ужаснейшему из явлений в своей истории; готовилась долго: неистовым тиранством двадцати четырех лет Иоанновых, адскою игрою Борисова властолюбия...» - этими словами Н.М. Карамзина хотелось бы закончить выводы по первой главе исследовательской работы.

Глава 2. Лжедмитрий I и его место в русской истории.

2.1. Борьба за царский тон.

В Брагине, на Киевщине, во владениях князей Вишневских один из слуг объявил себя чудесно спасшимся «царевичем Дмитрием», сыном Иоанна IV Васильевича. Его царственность подтвердили русские эмигранты. Как это произошло точно неизвестно. По одной легенде «Дмитрий» заболел и думая, что умирает, признался в своем происхождении священнику, который и рассказал обо всем князю Адаму. По другой версии «Дмитрий» сам признался кто он такой, когда тот вздумал отдавать ему приказы, как простому прислужнику. Вишневские поверили, возможно искренне, так как являлись крупнейшими и богатейшими польскими магнатами, так что вряд ли можно говорить о материальной заинтересованности, к тому же после вступления Дмитрия на престол Вишневские не получили даже маленькой деревеньки.

Но есть еще одна версия. В конце XVI века отец Адама Вишневского князь Александр завладел обширными украинскими землями по реке Суде в Заднепровье. Сейм закрепил за князем Александром его новые приобретения на правах собственности. Занятие территории, издавна тяготевшей к Чернигову, привело к пограничным столкновениям. Вишневецкие отстроили городок Лубны, а затем поставили слободу на Прилуцком городище. Адам Вишневецкий унаследовал от отца вместе с новостроенными городками вражду с русским царем. Дело закончилось тем, что Борис в 1603 году велел сжечь спорные укрепления Прилуки и Снетино. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооруженные стычки во владениях Вишневецкого могли привести к более широкому военному столкновению. Возможно, надежда на это и привела «царевича Дмитрия» в Брачин. Самозванец рассчитывал, что Вишневецкий поможет ему втянуть в военные действия против России татар и запорожских казаков.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что перед тем в польской Украине, козаки, вместе с польскими удалцами, помогали уже нескольким самозванцам, стремившимся овладеть молдавским престолом. Так в 1561 году, некто грек Василид, с острова Крита, выдававший себя за племянника Самосского герцога Гераклида, с помощью украинской вольницы изгнал из Молдавия тирана Александра, овладел молдавским престолом. Два года был признаваем за того, за кого себя выдавал, и погиб от возмущения, вспыхнувшего впоследствии за то, что он хотел вводить в Молдавии европейские обычаи и жениться на дочери одного польского пана, ревностного протестанта, что для молдаван казалось оскорблением религии.

В 1574 году козаки помогали другому самозванцу Ивонии, который назвался сыном молдавского господаря, Стефана VII; а в 1577 году те же козаки выставили третьего самозванца Подкову, выдававшегося братом Ивонии. Оба эти самозванца имели успех, но только на короткое время. В 1591 году у казаков явился четвертый самозванец, которого они, однако, выдали полякам. В самом конце XVI века козаки стекались под знамена одного сербского искателя приключений Михаила, овладевшего Молдавией.

«Украинские удалыцы постоянно искали личности, около которой могли собраться; давать приют самозванцам и вообще помогать смелым искателям приключений у казаков сделалось как бы обычаем. Король Сигизмунд III, для обуздания козацких своевольств, наложил на казаков обязательство не принимать к себе разных «господарчиков». Когда в московской земле стал ходить слух, что царевич Димитрий жив, и этот слух дошел на Украину, ничего не могло быть естественнее, как явиться такому Димитрию»[23,с.147].

Борис Годунов обещал князю Адаму щедрую награду за выдачу «вора». Получив отказ, царь готов был прибегнуть к силе. Опасаясь этого, Вишневецкий увез «царевича Дмитрия» подальше от границы, в Вишневец, где тот «летовал и зимовал».

Весть о московском царевиче, чудесно спасшемся от смерти, быстро распространилась между соседними панями. Существует предположение, что возможно, первоначально, «воскресший Дмитрий» предназначался Вишневецкими не для московского трона, а для краковского. «Дмитрий, сын Грозного, принадлежал к династии Рюриковичей, а, следовательно, состоял в родстве с пресекавшейся династией Ягеллонов»[24,с.236]. Потом от этой идеи отступили, слишком многие в Польше были против этого. Их взоры обратились на восток, на Русь, прибывающую в хаосе.

Существует мнение, что король Сигизмунд и его сановники с воодушевлением отнеслись к «царевичу» и стали оказывать ему всевозможную поддержку. Но есть упоминания, что коронный гетман Ян Замойский говорил: «Случается, что кость в игре падает и счастливо, но обыкновенно не советуют ставить на кон дорогие и важные предметы. Дело это такого свойства, что может нанести вред нашему государству и бесславию королю и всему народу нашему»[16,Т.11,с.258]. Ту же позицию занимали влиятельные государственные и военные деятели Ян Ходкевич и Станислав Жулкевский. Король Сигизмунд в подлинность Дмитрия не верил, но под нажимом Вишневецких благосклонно принял, туманно пообещав помощь. Были отосланы письма в Ватикан. Папа тоже не верил в его подлинность, сравнивая самозванца с Лжесебастьяном Португальским, но после обещаний о присоединении Русской церкви к Римской отнесся к Дмитрию благосклонно.

Считается, что король Сигизмунд повелел Вишневым, Мнишеку и другим шляхтичам составить рать из вольницы и выступить против Бориса. Но здесь есть небольшой нюанс. Дело в том, что польский король, в отличие от европейских самодержавцев, обладал ограниченными правами и не мог «повелевать». Он являлся не полноправным правителем, а как представителем страны, хотя по закону любой шляхтич мог отправить своих послов за границу, не интересуясь мнением короля. Шляхта весьма серьезно относилась к своей свободе и своим правам, что любые попытки короля навязать свою волю могли привести к его свержению. Войско для Дмитрия набирали Вишневы, на свои деньги, на свой страх и риск. Люди, окружавшие Дмитрия, было отнюдь не католического вероисповедания. Константин и Адам Вишневы - православные. Подавляющее большинство тех, кто встал под знамя Дмитрия, тоже были православными - казаки, литовские и западнорусские люди, многие бежавшие из России спасаясь от голода. Донские казаки послали к Дмитрию двух атаманов Андрея Корела и Михайло Нежакожа. Застав его в Кракове они присягнули ему на верность, признав подлинность царевича. К войску прибавилось сразу почти две тысячи человек. Войско Лжедмитрия составляло более четырех тысяч. Поляки, присутствовавшие в войске, преимущественно были профессиональными наемниками и по ним ни в коей мере нельзя определять национальную принадлежность армии.

16 октября 1604 года «Самозванец» вступив в Россию, на левом берегу Днепра разделил свое войско: послал часть его к Белгороду, а сам шел вверх по реке Десне. 18 октября 1604 года в Слободе Шляхетской, самозванец узнал о своем первом успехе: жители и воины г. Моравска «отложились» от Бориса. Они связали и выдали воевод своих Лжедмитрию, который встретили их с хлебом и солью. Чувствуя важность начала в таком предприятии, «царевич Дмитрий» вел себя как очень умный военный начальник и дипломат: «...торжественно славил Бога; изъявлял милость и величавость; не укорял воевод моравских верностию к Борису, жалел только об их заблуждении, и дал им свободу; жаловал, ласкал изменников, граждан, воинов, видом и разговором, не без искусства представляя лицо державного, так что от Литовского рубежа до самых внутренних областей России с неимоверною быстротою промчалась добрая слава о Лжедмитрии - и знаменитая столица Ольговичей не усомнилась следовать примеру Моравска. 26 октября покорился Самозванцу Чернигов, где ратники и граждане также встретили его с хлебом и солью, выдав ему воевод, из коих главный, Князь Иван Андреевич Татев, ...бесстыдно вступил в службу к обманщику» [16,Т.11,с.283].

В Чернигове хранилась значительная казна, которая была разделена между ратниками войска Лжедмитрия. Присоединив к своему войску 300 черниговских

стрельцов и 12 пушек, «царевич Дмитрий» двинулся к Новгороду Северскому. «Он надеялся быть везде завоевателем без кровопролития и действительно, на берегах Десны, Свины и Снова, видел единственно коленапреклонение народа и слышал радостный клик: «Да здравствует Государь наш, Димитрий!» [16,Т.11,с.285].

11 ноября 1604 года войско Лжедмитрия подошло к стенам Новгорода Северского, где впервые было встречено ядрами и пулями. обороной города руководил Петр Федорович Басманов, который в 1601 году получил от Бориса Годунова сан Окольничего и вместе с князем Никитой Романовичем Трубецким осенью 1604 года был отправлен спасать от самозванца Чернигов.

Узнав, что Чернигов пал, Басманов с 500 московских стрельцов занял Новгород Северский, сжег предместья и приготовился к осаде.

Несколько приступов города, предпринятые войском Лжедмитрия, были с большим уроном для последнего отбиты Басмановым. В результате чего в рядах самозванца настало уныние, польские волонтеры стали покидать войско Лжедмитрия. Но 18 ноября князь Василий Рубец-Мосальский сдал Лжедмитрию Путивль. Города: Рыльск, волость Комарницкая, Борисов, Белгород, Волуйки, Оскол, Воронеж, Кромы, Ливны, Елец признали власть «царевича Дмитрия»; некоторые воеводы сами добровольно объявляли себя за самозванца; других вязали подчиненные и приводили к царевичу; но связанные тотчас освобождались и присягали служить Дмитрию. Таким образом, у Дмитрия набралось до 12000 человек. В это же время им был перехвачена казна, тайно везенная московскими купцами в медовых бочках к начальникам Северских городов. Это позволило получить средства для набора новых дружин сподвижников. Войско же его продолжало стоять в осаде под Новгородом Северским, стреляя из больших пушек и разрушая крепостные стены города. Басманов отвечал на осаду вылазками, но видя разрушение крепости и зная, что войско Бориса Годунова идет спасти ее, он заключил перемирие с Самозванцем, будто бы в ожидании вестей из Москвы, при этом обязываясь сдаться ему чрез две недели.

Войско Бориса Годунова под предводительством Бояр, Князей Федора Ивановича Мстиславского, Андрея Телятевского, Дмитрия Шуйского, Василия Голицына, Михайло Салтыкова, Окольничих Князя Михайло Кашина, Ивана Ивановича Годунова, Василия Морозова, выступило из Брянска, чтобы пресечь успехи «царевича Дмитрия» и спасти от осады Новгородскую крепость.

18 декабря, на берегу Десны, верстах в шести от стана Лжедмитрия, была перестрелка между отрядами того и другого войска; а на третий день легкая сшибка. «Ни с которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванец ждал, кажется, чтобы рать

Борисова, следуя примеру городов, связала и выдала ему своих начальников; а Мстиславский, чтобы неприятель ушел без битвы как слабейший, едва ли имея и 12000 воинов» [16,Т.11,с.315]. Оставив Новгород и свой укрепленный стан, Лжедмитрий выстроил свое войско на равнине, весьма неблагоприятной для его малочисленной рати.

21 декабря 1604 года конница Лжедмитрия, состоящая из поляков, устремилась на правое крыло войска Годунова, где предводительствовали Князя Дмитрий Шуйский и Михайло Кашин, которое дрогнуло и в бегстве опрокинуло средину войска, где стоял князь Мстиславский, последний личным мужеством и примером смог остановить прорыв польской конницы, но весь израненный был едва спасен дружиной стрельцов от плена. Если бы Лжедмитрий в тот момент общим нападением подкрепил удар польской конницы, «...то вся рать Московская, как пишут очевидцы, представила бы зрелище срамного бегства...»[16,с.325], но он дал ей время опомниться и 700 немецких всадников, верных Годунову, под командованием Вальтера Розена, удержали прорыв и спасли положение. Тогда же гарнизон Басманова вышел из крепости, чтобы ударить в тыл войска Самозванца, который, слыша выстрелы позади себя и видя свой укрепленный стан в пламени, прекратил битву. Обе стороны вдруг отступили. Войско Лжедмитрия хвалясь победою и четырьмя тысячами убитых неприятелей.

Басманов, видя отступление войска князя Мстиславского, вновь занял Новгородскую крепость. На другой день к Лжедмитрию подошло еще 4000 Запорожцев, и войско Бориса Годунова отошло к Стародубу Северскому, для того, чтобы ожидать там других, свежих полков из Брянска, с которыми могло бы через несколько дней возвратиться к Новгороду Северскому.

В стане же «царевича Дмитрия» произошел раскол: поляки надеялись вести своего Царя в Москву без кровопролития, увидев, что надобно ратоборствовать, «...объявили, что идут назад, будто бы исполняя указ Сигизмундов не воевать с Россиею в случае, если она будет стоять за Царя Годунова. Тщетно убеждал их Лжедмитрий не терять надежды: осталось не более четырехсот удальцов Польских; все другие бежали восвояси, а с ними и горестный Мнишек»[16,Т.11,с.328].

Видя это, Самозванец, предав на поле сражения тела убитых, своих и неприятелей, снял осаду Новгорода, и отошел в Комарницкую волость, занял Севский острог, и стал спешно готовить его к обороне.

Назначенный Годуновым вместо раненного Мстиславского, князь Василий Шуйский, прибыв в Стародуб Северский к войску, немедленно двинул его к Севску, где Лжедмитрий не захотел ждать их. Смелый до отчаяния, Лжедмитрий вышел из города и

встретился с войском Шуйского в Добрыничах. Силы были несоразмерны: у самозванца 15000, конных и пеших; у князя Шуйского около 60 или 70 тысяч.

21 января 1605 года Самозванец как и в день битвы под Новгородом Северским разделил войско на три части: для первого удара взял себе 400 польских и 2000 русских тяжелых всадников, которые все отличались белой одеждою сверх лат, за ними должны были идти 8000 козачьей легкой конницы и 4000 пеших воинов с пушками. Оглядев построение московского войска, Лжедмитрий повел свою конницу долиною, чтобы стремительным нападением разрезать войско Годунова между селением и правым крылом. Князь Мстиславский, израненный находившийся при войске, угадал мысль неприятеля и двинул свое крыло, с иноземною дружиною, навстречу. Но тяжелая кавалерия Лжедмитрия сильным ударом смяла дружину иноземную, несмотря на ее мужественное и блестящее сопротивление, и кинулась на пехоту Московскую. Пехота, состоящая из стрельцов, стояла пред деревней и вдруг залпом из 40 пушек и из десяти или двенадцати тысяч ружей, поразила неприятеля: множество всадников и коней пало; кто уцелел, бежал назад, бежал - и сам Лжедмитрий. Козаки, следовавшие следом за тяжелой конницей Лжедмитрия, чтобы довершить разгром, были вынуждены повернуть назад, сперва Запорожцы, а после и Донцы, смяв в бегстве свою пехоту. Войско Годунова гнало, разило бегущих на пространстве восьми верст, «...убили тысяч шесть, взяли немало и пленников, 15 знамен, 13 пушек; наконец истребили бы всех до единого, если бы Воеводы, как пишут, не велели им остановиться, думая, вероятно, что все кончено и что сам Лжедмитрий убит. С сею счастливою вестью прискакал в Москву сановник Шеин и нашел Царя молящегося в Лавре Св. Сергия...»[16,Т.11,с.334].

С остатком войска, в полторы тысячи человек, «царевич Дмитрий» собирался вернуться в Речь Посполитую, но был удержан жителями Путивля, понимавшими, что присутствие Дмитрия может послужить им в качестве оправдания перед правительством. В Путивле формируется областной совет- представительный орган от местных сословных групп. По решению этого совета со всех без исключения собирается тяжелый экстраординарный налог на уплату жалования ратным людям.

Именно «сиденье» Дмитрия в Путивле переломило ход войны самым решительным образом. Воспрянувший от успехов Борис Годунов не придумал ничего лучшего, кроме как начать самую широкую расправу не только с областями, присягнувшими самозванцу, но и с теми, кто имел несчастье проживать в областях, где проходило войско Лжедмитрия.

«Годуновцы свирепствовали особенно в Комарницкой волости, за преданность Дмитрию мужчин, женщин, детей сажали на кол, вешали по деревьям за ноги, расстреливали для забавы из луков и пищали, младенцев жарили на сковородах. Вся

Северщина была осуждена царем на порабощение по произволу военщины; людей ни к чему ни причастных хватали и продавали татары за старое платье или за джбан водки, а иных отводили толпами в неволю, особенно молодых девушек и детей. В московском войске было наполовину татар и прочих инородцев, и они-то особенно варварски свирепствовали. Ничего подобного не делалось народу от дмитриевцев, и эта разница отверждало народ в убеждении, что Дмитрий настоящий царевич»[23,с.345]. Методы, используемые Годуновым, привлекали в войско Лжедмитрия всё новых сторонников.

Внезапно 13 апреля 1605 года умер царь Борис Годунов. Его смерть была скоропостижной. Есть упоминания о том, что, встав из-за стола после обеда в Золотой палате Кремля со знатными иноземцами, царь упал, изо рта, носа и ушей пошла кровь. Он прожил два часа, успев принять монашеский постриг и благословить на царство 16 летнего сына Федора. «Из среды живущих в Москве немецких докторов тут же пошел слух, что царя отравили»[21,с.289].

Армия также не осталась в стороне от перемен. Петр Федорович Басманов, выехавший к сосредоточенным в Кромах правительственным войскам, для принятия присяги царю Федору Борисовичу, сумел склонить на сторону Лжедмитрия большую часть командиров: Голицина, Салтыкова, Ляпунова, начальника «иноземного полка» Вальтера фон Розена. С частью войск, оставшихся верной Федору, было быстро покончено.

Измена Басманова, который, совсем недавно, разил самозванца под стенами Новгорода Северского и назначенный Федором главным воеводой царским, удивила современников, удивляет она всех историков, изучающих данный период российской истории.

Сформировался раскол общества и территории на два лагеря с двумя центрами - Москвой и Путивлем. Во время пребывания Лжедмитрия в Путивле, в феврале - мае 1605 года, при нем функционировала собственная Боярская дума, свой орган представительства от местных сословий, свои приказы и дьяки. Из Путивля, по приказу Лжедмитрия, по городам рассылали воевод с посланиями к народу. Прежде всего, силы претендента черпались преимущественно из мелких местных дворян, служилых приборных дворян, горожан и крестьянства. Участие крестьянства было широким и активным: это прямо подтверждают погромы и массовые казни, учиненные царской ратью в Комарицкой волости. Именно в крестьянской среде утопия о царевиче - избавителе получила самое широкое хождение.

Настроение умов в самой Москве было очень шатко. 1 июня 1605 г. в Москву явились от самозванца Наум Плещеев и Гаврила Пушкин, остановились в одной из

московских слобод и читали там грамоту самозванца, адресованную москвичам. «Вы клялися отцу моему, ...не изменять его детям и потомству во веки веков, но взяли Годунова в Цари. Не упрекаю вас: вы думали, что Борис умертвил меня в летах младенческих; не знали его лукавства и не смели противиться человеку, который уже самовластвовал и в Царствование Феодора Иоанновича, - жаловал и казнил, кого хотел. Им обольщенные, вы не верили, что я, спасенный Богом, иду к вам с любовью и кротостию. Драгоценная кровь лилася... Но жалею о том без гнева: неведение и страх извиняют вас. Уже судьба решилась: города и войско мои. Дерзните ли на брань междоусобную в угодность Марии Годуновой и сыну ее? Им не жаль России: они не своим, а чужим владеют; упитали кровию землю Северскую и хотят разорения Москвы. Вспомните, что было от Годунова вам, Бояре, Воеводы и все люди знаменитые: сколько опал и бесчестия несносного? А вы, Дворяне и Дети Боярские, чего не претерпели в тягостных службах и в ссылках? А вы, купцы и гости, сколько утеснений имели в торговле и какими неумеренными пошлинами отягощались? Мы же хотим вас жаловать беспримерно: Бояр и всех мужей сановитых честию и новыми отчинами, Дворян и людей приказных милостию, гостей и купцев льготою в непрерывное течение дней мирных и тихих. Дерзните ли быть непреклонными? Но от нашей Царской руки не избудете: иду и сяду на престоле отца моего; иду с сильным войском, своим и Литовским: ибо не только Россияне, но и чужеземцы охотно жертвуют мне жизнью. Самые неверные Ногаи хотели следовать за мною: я велел им остаться в степях, щадя Россию. Страшитесь гибели, временной и вечной; страшитесь ответа в день суда Божия: смиритесь, и немедленно пришлите Митрополитов, Архиепископов, мужей Думных, Больших Дворян и Дьяков, людей воинских и торговых, бить нам челом, как вашему Царю законному»[16,Т.11,с.376]. Плещеева и Пушкина народ повлек в Китай-город, где снова читали грамоту на Красной площади.

Желая выслужиться перед «царевичем Дмитрием» народ бросился в Кремль, схватил царя Федора с матерью и сестрой и перевел их в прежний Борисов боярский дом, а затем начал грабить его хоромы, иноземцев, и других «Борисовых приятелей». Вскоре затем приехали от самозванца в Москву князь Голицын и Масальский, чтобы «покончить» с Годуновыми. Они сослали патриарха Иова в Старицу, убили царя Федора и его мать, а его родню подвергли ссылке и заточению. Так кончилось время Годуновых.

2.2. Правление Российским государством.

20 июля 1605 года Лжедмитрий молодой царь торжественно въехал в столицу при радостных восклицаниях бесчисленного народа, столпившегося в Москву с разных сторон. Въехавши в Кремль, Дмитрий молился сначала в Успенском соборе, а потом в Архангельском, где припавши к гробу Грозного так плакал, что никто не мог допустить сомнения в том, что это не истинный сын Ивана.

Вступивши во дворец, Дмитрий принимал поздравления с новосельем, а «...Богдан Бельский вошел на лобное место, снял с себя образ, на котором был крест и изображение Николая Чудотворца, и сказал: «Православные! Благодарите Бога за спасение нашего солнышка, государя царя, Димитрия Ивановича. Как бы вас лихие люди не смущали, ничему не верьте. Это истинный сын царя Ивана Васильевича. В уверение я целую перед вами животворящий крест и св. Николу Чудотворца». Народ отвечал громкими восклицаниями: «Боже, сохрани царя нашего, Димитрия Ивановича! Подай ему, Господи, здравия и долгоденственного жития. Покори под ноги его супостатов, которые не верят ему»[24,с.286].

Через четыре дня (24 июня) был поставлен новый патриарх, грек Игнатий, одним из первых признавший самозванца. За инокиней Марфой Нагой, матерью Дмитрия, был отправлен знаменитый впоследствии князь М. В. Скопин-Шуйский. Признание самозванца со стороны Марфы сыном и царевичем должно было окончательно утвердить его на московском престоле.

18 июля прибыла царица, инокиня Марфа. Царь встретил ее в селе Тайнинском. Бесчисленное множество народа побежало смотреть на такое зрелище. Когда карета, где сидела царица, остановилась, царь быстро соскочил с лошади. Марфа отдернула занавес, покрывший окно кареты. Дмитрий бросился к ней в объятия. Оба рыдали. Так прошло несколько минут на виду всего народа.

Потом царь до самой Москвы шел пешком подле кареты. Марфа выезжала при звоне колоколов и при ликованиях народа: тогда уже никто в толпе не сомневался в том, что на московском престоле истинный царевич, такое свидание могло быть только свиданием сына с матерью. Царица Марфа была помещена в Вознесенском монастыре. Дмитрий ежедневно посещал ее, и, при начале каждого важного дела, испрашивал ее благословения.

30 июля Дмитрий венчался царским венцом от нового патриарха Игнатия. Посыпались милости. Скоро были возвращены из ссылки Нагие и Романовы. Старший из Романовых, монах Филарет, был поставлен митрополитом Ростовским.

В одном из первых своих распоряжений Лжедмитрий, как верный и почтительный сын, велел заплатить долги Ивана Грозного. Практически всех, кто был репрессирован при Годунове, вернули из ссылки, многим вернули конфискованное имущество, восстанавливали в должностях. Он «...удвоил жалованье сановникам и войску; ...отменил многие торговые и судные пошлины; строго запретил всякое мздоимство и наказал многих судей бессовестных; обнародовал, что в каждую Среду и Субботу будет сам принимать челобитные от жалобщиков на Красном крыльце. Он издал также достопамятный закон о крестьянах и холопах: указал всех беглых возвратить их отчинникам и помещикам, кроме тех, которые ушли во время голода, бывшего в Борисово Царствование, не имев нужного пропитания; объявил свободными слуг, лишенных воли насилием, без крепостей внесенных в Государственные книги. Чтобы оказать доверенность к подданным, Лжедмитрий отпустил своих иноземных телохранителей и всех Ляхов, дав каждому из них в награду за верную службу по сороку золотых, деньгами и мехами...»[16,Т.11,с.392].

Таким образом, всем служилым удвоенно было содержание; помещикам удвоили их земельные наделы, все судопроизводство было объявлено бесплатным; всем должностным лицам удвоено содержание и строго вопрошено брать посулы и помины.

Дмитрий преобразовал боярскую думу и назвал ее сенатом: «...он спешил, ...изменить состав нашей древней Государственной Думы: указал заседать в ней, сверх Патриарха (что в важных случаях и дотоле бывало), четырьмя Митрополитам, семью Архиепископам и тремя Епископам, надеясь, может быть, обольстить тем мирское честолюбие Духовенства (при прежних царях высшее православное духовенство приглашалось в Боярскую думу лишь в исключительных случаях, но Лжедмитрий отвел патриарху и архиереям постоянные места), а более всего желая следовать уставу Королевства Польского; назвал всех мужей Думных Сенаторами, умножил число их до семидесяти, сам ежедневно там присутствовал, слушал и решал дела, как уверяют, с необыкновенною легкостью. Пишут, что он, имея дар краснословия, блистал им в совете, говорил много и складно, любил уподобления, часто ссылаясь на Историю, рассказывал, что сам видел в иных землях, то есть в Литве и в Польше; изъявлял особенное уважение к Королю Французскому, Генрику IV; хвалился, подобно Борису, милосердием, кротостью, великодушием и твердил людям ближним: «Я могу двумя способами удержаться на престоле: тиранством и милостью; хочу испытать милость и верно исполнить обет, данный мною Богу: не проливать крови»[16,Т.11,с.401].

Политика, выбранная Лжедмитрием, носила компромиссный характер. Сознательно он избрал образцом, в стиле правления, период Избранной рады. Царь

объявил свободу торговли, промыслов и ремесел, отменив все прошлые ограничения. Он говорил: «От свободной торговли, дозволенной всем и каждому, государство богатеет...»[21,с.308]. Англичане того времени замечают, что это был первый государь в Европе, который сделал свое государство в такой степени свободным. Свобода торговли и обращения в каких-нибудь полгода произвела то, что в Москве все подешевело, и небогатым людям стали доступны такие предметы житейских удобств, какими прежде пользовались только богатые люди и бояре.

В Россию стали во множестве приглашать иностранцев, которые могут оказаться полезными для Московского государства.

«Дмитрий более всего любил беседовать со своими боярами о том, что нужно дать народу образование, убеждал их путешествовать по Европе, посылать детей для образования за границу, заохочивал их к чтению и приобретению сведений; Сам Димитрий хорошо знал Св. писание и любил приводить из него места, но не терпел исключительности. «У нас, - говорил он духовным и мирянам, - только одни обряды, а смысл их укрыть. Вы поставляете благочестие только в том, что сохраняете посты, поклоняетесь мощам, почитаете иконы, а никакого понятия не имеете о существе веры, вы называете себя новым Израилем, считаете себя самым праведным народом в мире, а живете совсем не по христиански, мало любите друг друга, мало расположены делать добро. Зачем вы презираете иноверцев? Что же такое латинская, лютерская вера? Все такие же христианские, как и греческая. И они в Христа веруют». Когда ему заговорили о семи соборах и о неизменяемости их постановлений, он на это сказал: «Если было семь соборов, но отчего же не может быть и восьмого, и десятого и более? Пусть всякий верит по своей совести. Я хочу, чтоб в моем государстве все отправляли богослужение по своему обряду»[23,с.315].

Дмитрий не любил монахов, называл их тунейдцами и лицемерами, приказал сделать опись монастырским имениям и заранее заявлял, что хочет оставить им необходимое на содержание, а все прочее отберет в казну и эти денежные средства пойдут на защиту Святой веры и православных христиан против турок. Наслушавшись толков о всеобщем христианском ополчении и крестовом походе против турок, о котором во всей Европе только говорили, но не приступали к делу, Дмитрий хотел привести эту мысль в исполнение.

Он считал, что русских идея борьбы с турками касается ближе, чем других народов:

- во-первых, по духовному родству с поработченными греками;

- во-вторых, из-за соседства с крымским ханством, от которого московская Русь находилась постоянно в страхе и в бедственном положении, т.к. ее лучшие земли оставались малонаселенными, ее жители постоянно уводились в плен, а пограничные селения уничтожались.

С самого прибытия в Москву намерение воевать с турками и татарами не сходило с языка у Дмитрия. На пушечном дворе делали новые пушки, мортиры, ружья. Дмитрий часто ездил туда, сам пробовал оружие и устраивал военные маневры, которые вместе были и потехой, и упражнением в военном деле. Царь, забывая свой сан, работал вместе с другими, не сердился, когда его в давке толкали или сбивали с ног.

Дмитрий надеялся на союз с немецким императором, с Венецией, с французским королем Генрихом IV, к которому Дмитрий чувствовал особое расположение. Война с Турцией побуждала его вести дружеские сношения с папой, но он не поддавался папским уловкам по вопросу о соединении церквей, и на все заявления со стороны папы в своих ответах искусно обходил этот вопрос. «Таким образом, в дошедших до нас письмах Дмитрия к папе нет даже намека, похожего на обещание вводить католичество в русской земле. Московский государь толковал с папой только о союзе против турок, и вскоре иезуиты совершенно разочаровались насчет своих блестящих надежд, а папа писал ему выговор за то, что он окружает себя еретиками и не слушается благочестивых мужей»[23,с.319].

В самом деле, предоставляя католикам свободу совести в своем государстве, Дмитрий, равным образом, предоставлял ее протестантам всех толков. Домашний секретарь его Бучинский был протестант. Относясь к папе дружелюбно, Дмитрий вместе с тем, посылал денежную помощь и ласковую грамоту русскому львовскому братству, задачей которого было охранять в польско-русских областях русскую веру от покушений папизма. Ясно было, что Дмитрий не думал исполнять тех обещаний иезуитам, которые он поневоле давал, будучи в Польше. Также мало расположен был он исполнять свои вынужденные обещания Сигизмунду III отдать Польше Смоленск и Северскую область. Когда к нему приехал посол от Сигизмунда Корвин-Гонсевский, Дмитрий напрямик объявил ему, что отдача русских земель решительно невозможна, но обещал, что, вместо этих земель, он, по дружбе, в лучшем случае нужды, готов помочь Сигизмунду денежной суммой. И это обещание давалось, вероятно, только потому, что невеста царя находилась пока в Польше, и он не хотел раздражать Сигизмунда. Но если бы он не исполнил и этого обещания, данного Марии Мнишек, то возможно бы остался жив, тем более, какие-то чувства связывали его в тот момент с дочерью Годунова Ксенией.

Объявляя, что он предоставляет всем иноверцам одинаковую свободу совести в своем государстве, Дмитрий отказал польскому королю и в требовании заводить костелы, вводить римско-католическое духовенство, особенно иезуитов, во вред православной вере. Увидевши, что Сигизмунд хочет обращаться с ним, как с вассалом, он принял гордый тон и требовал, чтобы его называли цезарем; ни за что не хотел он в угоду Сигизмунду удалить Густава, сына Ерика, короля шведского.

Готовился новый законодательный кодекс, причем в нем обобщалось законодательство за вторую половину XVI века. Лжедмитрий намеревался собрать выборных представителей от уездных дворянских корпораций, с изложением нужд. Показательно, что при нем не видно массовых беспорядков и жестоких репрессий. Правда, претенденты на трон все-таки были. Через несколько дней после приезда Дмитрия в столицу, Басманов, вошедший в милость нового царя, поймал купца Федора Конева и несколько торговых людей, которые показали, что князь Василий Шуйский давал им наставление вооружить против царя народ. Во время «обыска» они показали на Шуйского, что тот велел народу указать на то, что царь позволяет не крещеным иноземцам входить в церковь, что он подослан Сигизмундом и польскими панями, что царь не Дмитрий, а расстрига Гришка Отрепьев, который хочет разорить церкви, искоренить веру. Но народ, видя, что действия молодого царя, совершенно не согласуются с обвинениями, не поддержал заговорщиков. Царь Дмитрий отстранил себя от дела, касавшегося его чести и престола, и отдал Шуйского с братьями суду, составленному из лиц всех сословий, который приговорил Василия Шуйского к смерти, а братьев его к ссылке. Когда осужденного привели к плахе на Красную площадь, прискакавший из Кремля вестовой, остановил казнь и объявил, что государь, не желая проливать крови даже важных преступников, заменяет смертную казнь Василия Шуйского ссылкой в Вятку. Народ был в восторге от такого великодушия. Мало того, вскоре Лжедмитрий помиловал всех, вернул Шуйских ко двору - что его впоследствии и погубило.

Василий Шуйский избежав смерти, не успокаивается, а продолжает свою политическую игру. Вместе с братьями и Голицыными, через верных людей начинает переписку с королем Сигизмундом, «...жалуясь на то, что тот навязал им в цари совершенно неподходящую и недостойную личность, а посему они, князья, намеренны в ближайшее время свергнуть самозванца и на его место желают посадить Владислава, сына Сигизмунда»[23,с.327].

Таким образом, получается, что именно Шуйский и сотоварищи пытались привести к власти в России поляков. В это время в Речи Посполитой возникла сильная оппозиция, недовольная Сигизмундом за его женитьбу на австрийской принцессе, эрцгерцогине

Констанции Габсбург, в чем многие усматривали усиление «немецкой партии» в стране. Посланцы оппозиции побывали в Кремле и предложили Лжедмитрию корону Речи Посполитой. Дав согласие, Лжедмитрий стал опаснейшим врагом Сигизмунду.

Весной 1606 года должны были состояться свадебные торжества, по поводу венчания Марии Мнишек и царя Дмитрия Ивановича. На них съехалось свыше 2000 поляков, которые своим гонором и высокомерием, непривычным для москвичей поведением, восстановил против себя народ. Урок, полученный Шуйскими при первом заговоре против Дмитрия, не пропал даром, князья Шуйские вместе с Голицыными начали действовать гораздо осторожнее; любые разногласия и стычки, между москвичами и иноземцами (не только поляками), старательно ими раздувались и списывались на то, что поляки ведут себя в столице как хозяева, в тоже время они успели привлечь на свою сторону часть войск, стоящих около Москвы.

В ночь с 16 на 17 мая 1606 года, от имени царя удалив 70 из 100 немецких телохранителей из построенного для Лжедмитрия и Марии Мнишек хором, выпустив из тюрьмы сброд бродяг и вооружив их, с отрядов в 200 человек верных войск, заговорщики двинулись к Кремлю. Зная, что далеко не все в Москве непримиримо настроены против самозванца, заговорщики сочли нужным обмануть народ и бунт подняли якобы за царя, против поляков, его обижавших. Направив основную массу восставших громить поляков, Шуйский со своими приверженцами, подавив сопротивление небольшого числа телохранителей и верных Дмитрию стрельцов, захватил, пытавшегося бежать раненого царя Дмитрия Ивановича. Перед смертью раненый Лжедмитрий требовал вызвать его мать, Марфу Нагую, требует, чтобы его вывели на Лобное место и там обвинили в самозванстве принародно. Но так как большинство горожан полагало, что взбунтовалось против поляков, а не против царя, ему в просьбе отказали, несколько человек бросаются па Лжедмитрия и открывают стрельбу. Молодой царь правил всего 331 день. Горожанам позже сказали, что Гришка Отрепьев принародно признался в своем самозванстве. «Истинный царевич», которого еще так недавно трогательно встречали и спасению, которого так радовались, сделался «расстригой», «еретиком» и «польским свистуном». В Москве начинается вакханалия. Убивают не только поляков, но и вообще иноземцев. В то же время посольство Речи Посполитой, с находящимися там поляками, не пострадало. По приказу Василия Шуйского к посольству, после начала восстания, были высланы 500 стрельцов для охраны; правда поляков, служивших у Лжедмитрия, внутрь посольства не пустили. Число жертв с обеих сторон составляло от двух до трех тысяч.

Выводы по 2 главе.

16 октября 1604 года неизвестный 20-22 летний молодой человек, назвавшийся царевичем Дмитрием, во главе четырехтысячного войска, состоящего преимущественно из наемников и козаков, перешел границу Российского государства, а через 279 дней вошел в Москву как победитель и законный наследник престола. За эти дни он проявил себя как умный дипломат и храбрый полководец.

21 декабря 1604 года одержал практически победу под Новгородом Северским над воеводами Бориса Годунова князем Ф.И. Мстиславским и боярином П.Ф. Басмановым. Несмотря на поражение 21 января 1605 года под Добрыничами (15000 пеших и конных против 70000 обученного царского войска), смог в Путивле организовать практически второе российское правительство. Из-за смерти Бориса Годунова 13 апреля 1605 года, измены Московского войска под руководством П.Ф. Басманова и поддержки народа стал единовластным правителем Всея Руси.

331 день правил огромнейшей державой, носил звание императора, а после своей смерти стал по официальной версии «расстригой», «еретиком» и «польским свистуном» Гришкой Отрепьевым.

За время своего правления провел преобразования правительства, которые через 100 лет повторил Петр Великий. Попытался добиться большей экономической открытости России перед Западом. Эти экономические реформы привели к тому, что через полгода товары в Московском государстве значительно подешевели. Законодательные акты улучшили положение мелкопоместного дворянства и служивого люда. Планировались реформы по совершенствованию крепостного права на Руси.

Его политика носила явный компромиссный характер. Не исключено, что, удержись он у власти, быть может, реализовался бы вариант постепенного преодоления раскола общества путем компромиссов. Но этого не случилось из-за отсутствия поддержки верхушки аристократии российского государства.

«Лжедмитрий сослужил свою службу, к которой предназначался своими творцами, уже в момент своего воцарения, когда умер последний Годунов — Федор Борисович. С минуты его торжества в нем боярство уже не нуждалось. Он стал как бы орудием, отслужившим свою службу и никому более не нужным, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь к престолу будет свободен достойнейшим в царстве»[26,с.285]. Это мнение одного из лучших знатоков смутного времени С.Ф. Платонова объясняет заговор и смерть человека, назвавшегося сыном Ивана Грозного.

Глава 3. Загадки личности Лжедмитрия I в истории.

Драматические события, начавшиеся со смертью царя Федора Ивановича и завершившиеся лишь с избранием нового царя Михаила Романова на Земском соборе 1613 года, получили в русской исторической литературе меткое название «Смутного времени». Здесь теснейшим образом переплелись различные по характеру явления: кризис власти и иностранная интервенция, борьба между боярскими кланами и рост национального самосознания.

То, что происходило в стране в первые два десятилетия XVII века, навсегда врезалось в ее историческую память. «То была черед невиданного и невысказанного ранее. Никогда раньше политическая борьба за власть в государстве не становилась обыденным делом рядовых дворян и тем более социальных низов. Никогда раньше ожесточение схваток за первенствующие позиции в обществе не доходило до систематического преследования, а временами — истребления верхов низами»[29,с.126]. Никогда раньше на царский трон не посягали «беглый расстрига из заурядной дворянской фамилии», бывший холоп, бедный школьный учитель из Восточной Белоруссии. Никогда раньше наследственная самодержавная монархия не превращалась в монархию выборную, и никогда раньше в стране не существовало параллельно несколько центров во главе с мнимыми или реальными монархами, претендовавшими на общегосударственную власть. Никогда раньше не была столь реальной угрозой утраты Россией государственной самостоятельности, расчленения ее территории между соседними и вовсе не ближними странами.

«Но было бы неверно именовать Смутой промежуток времени исключительно с 1598 по 1613 год. Смута, как скрытая болезнь, задолго до эпохи самозванцев подтачивала силы Русского государства»[30,с.31]. Это было время упорной и жестокой борьбы боярских партий, группировок духовенства и народа, вовлекаемого в конфликты противоборствующими сторонами, Ливонская война и эксцессы опричников разоряли население, экономический упадок крестьянских хозяйств, дополнялся стихийными бедствиями, невиданными по масштабам неурожаями, голодом и массовыми эпидемиями. «Русь после смерти Ивана Грозного, как после смерти всякого деспота, распрямилась, и вместо того, чтобы получить благословенное царствование, медленно втягивалась в водоворот безвластия»[1,с.97].

В то же время Смута — это время величайшего героизма, самопожертвования, неодолимой силы народного духа. Тысячи русских людей, принадлежавших к разным

сословиям, спасли страну от грозившей катастрофы, отстаивали ее независимость и восстановили государственность.

И в то же время Смута – это время, когда на царский престол могла взойти личность Лжедмитрия I, о которой до настоящего времени среди историков не утихают споры. Кем же он был?

Среди историков взаимно существуют несколько версий о человеке, одиннадцать месяцев занимавшем в XVII веке первое место в России. В его лице пытались видеть:

- поляка или литовца по происхождению, чуть ли не внебрачного сына польского короля Стефана Баторина, специально подготовленного иезуитами;
- неизвестного русского, найденного для этой роли боярами, чтобы свергнуть Бориса Годунова;
- истинного представителя великокняжеской династии Рюриковичей, спасенного от убийц в Угличе;
- и, наконец, Григория Отрепьева, беглого дьякона московского Чудова Монастыря, выдававшего себя за сына Ивана IV – Дмитрия.

До настоящего времени неизвестно, кто он был на самом деле, хотя о его личности делалось много разысканий и высказано много догадок. Московское правительство объявило его галицким боярским сыном Гришкой Отрепьевым только в январе 1605 года. Раньше в Москве, вероятно, не знали, кем счесть и как назвать самозванца. Достоверность этого официального показания принимали на веру все старые наши историки, принимал и С. М. Соловьев, который держался, однако, того убеждения, «...что обман самозванца с его стороны был неумышленный и что Отрепьев сам верил в свое царственное происхождение»[31, Т.,с.134].

В 1864 году явилось прекрасное исследование Костомарова Н.И. относительно личности первого самозванца. В этом труде он доказывает:

- во-первых, что Лжедмитрий и Отрепьев два разных лица;
- во-вторых, «...вопрос о том, кто был этот загадочный человек, много занимал умы и до сих пор остался неразрешенным. Его поведение было таково, что скорее всего его можно было признать за истинного Димитрия; но против этого существуют важные доводы...» - пишет Костомаров Н.И. в своей научной работе «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»[24,с.312];
- в-третьих, самозванец был делом боярских рук. Виднейшим деятелем этой интриги Костомаров считает Богдана Бельского.

В том же 1864 году появилась статья Бицына («День», 1864, № 51 и 52, и «Русский Архив» 1886 г.: «Правда о Лжедмитрии»). Бицын (псевдоним Павлова) старается

доказать, что в Москве к самозванству готовили именно Григория Отрепьева, но что царствовал будто бы не он: в Польше Отрепьева заменили каким-то другим неизвестным лицом, подставленным иезуитами.

В 1865 году появился еще труд о Лжедмитрии В.С. Иконникова. В своей статье «Кто был первый Лжедмитрий» («Киевские Университетские Известия», февр. 1864 г.) Иконников берет в основу своего исследования точку зрения «французского служилого человека Я. Маржерета» и некоторых других современников, что Лжедмитрий есть истинный царевич, спасенный вовремя от убийц.

Затем является в 1866 года статья Добротворского («Вестник Западной России» 1865—1866, кн. 6 и 7), которому удалось найти документ, гласящий, по его мнению, что Лжедмитрий был не кто иной, как Отрепьев. Документ этот — надпись на одной из книг библиотеки Загоровского монастыря (Волинской губернии). «В книге «Василия Великого о постничестве» внизу по листам отмечено: «Лета от сотворения мира 7110 (1602), месяца августа в четырнадцатый день, сию книгу... дал нам, иноку Григорию, царевичу московскому с братией, с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович... княже Острожское, воевода Киевский» [26,с.285]. Из данной надписи можно предположить, что Отрепьев с Варлаамом и Мисаилом был в Киеве и получил эту книгу от князя Острожского. Часть надписи, однако, со словами «иноку Григорию», сделана иной рукой, чем остальная надпись. Добротворский сличал этот почерк с документом, на котором была подпись Лжедмитрия, и почерки ему показались тождественными.

Из позднейшей литературы о самозванце упомянем: «Исследование о личности первого Лжедмитрия», принадлежащее Казанскому и помещенное в «Русском Вестнике» за 1877 год (Казанский видит в самозванце Отрепьева); затем ряд изысканий отца Павла Пирлинга («Rome et Demetrius» и др.), который воздерживается от категорических заключений о происхождении самозванца, но всего скорее думает об Отрепьеве.

Особенно ценно изданное отцом Пирлингом facsimile письма самозванца к папе. «Знатоки польских рукописей XVI—XVII вв., гг. И. А. Бодуэн де Куртенэ и С. Л. Пташицкий, склонны думать, что манускрипт писан по-польски русским (и даже московским) человеком»[33,с.229].

При разногласии исследователей и неполноте исторических данных составить себе определенное мнение о личности названного Дмитрия трудно. Большинство историков признает в нем Григория Отрепьева; Костомаров прямо говорит, что ничего не знает о его личности, а В.С. Иконников и граф С.Д. Шереметев, профессор Бестужев - Рюмин признают в нем настоящего царевича.

Самый крупный знаток Смутного времени С. Ф. Платонов пришел к заключению, что вопрос о личности самозванца не поддается решению. Подводя итог своим наблюдениям, историк с некоторой грустью писал: «Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта» [26,с.287].

Столь же осторожной была точка зрения профессора В.О. Ключевского. Как отметил этот историк, личность неведомого самозванца остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто другой, хотя последнее менее вероятно. Анализируя ход Смуты, В.О. Ключевский с полным основанием утверждал, что «важна была не личность самозванца, а роль, им сыгранная, и исторические условия, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу»[19,с.246].

Наиболее распространенной и признанной оказалась последняя версия, основанная на сохранившихся источниках правления Годунова, царствования Василия Шуйского и дома Романовых. Блестяще написанная придворным историком царей Романовых Н.М. Карамзиным история государства российского для всего последующего поколения историков не оставляла сомнений, что под личиной царевича Дмитрия скрывался расстрига Григорий Отрепьев.

Данная версия о том, кто скрывается под именем «царевича Дмитрия» после тщательного расследования правительства Годунова в 1605 году, и после дополнительного расследования комиссии в царствовании Василия Шуйского, в результате полученных сведений о похождениях реального Отрепьева, показаний его матери, дяди и других родственников, изучения событий 1600-1606 годов звучит примерно так.

В миру – Юрий, в монашестве – Григорий, Отрепьев был сыном мелкого обедневшего Галицкого дворянина Богдана Яковлевича Отрепьева, дослужившегося до стрелецкого сотника. Малолетнего Юшку воспитывала мать, так как отец был убит в пьяной драке не за долго после рождения сына. Позже отрок отправился в Москву, где служил у бояр Романовых и у князя Бориса Черкасского, которые в 1600 году попали в опалу. После службы у бояр Юрий постригся в монахи под именем Григория. Что побудило его к этому шагу точно не известно.

Молодой чернец Григорий скитался по разным монастырям, попав, наконец, в столичный Чудов монастырь, где на первых порах жил в келии под началом своего деда Замятни.

Здесь в полной мере проявились его способности. Очень скоро их заметил сам патриарх Иов, посвятив чернеца в дьяконы, взял его к себе для книжного дела. Владея каллиграфическим подчерком, тот не только переписывал книги на патриаршем дворе, но даже сочинял каноны святым, причем делал это лучше многих других книжников того времени. Добившись милостивого доверия патриарха, Григорий часто сопровождал его в царский дворец, где сумел вникнуть в суть придворных интриг и неоднократно слышал имя царевича Дмитрия. В тот период у него и созрело решение присвоить себе имя давно погибшего царевича. И как только решение стало окончательным, он в феврале 1602 года бежал за рубеж.

После скитаний по русским монастырям Отрепьев смело подался к запорожским казакам, в отряд знаменитого в то время старшины Герасима Евангелика. Здесь расстрига научился владеть мечом и ездить верхом, набрался воинской отваги и сноровки.

Затем он объявился в Польше, сменив доспехи воина на польскую и латинскую грамматику, которую с прилежанием штудировал в волынской городке Гощи. Оттуда Григорий поступил на службу к пану Вишневецкому, имевшему большое влияние при дворе.

Бытует легенда, что хитрец, заслужив внимание и расположение своего нового хозяина, притворился смертельно больным, на исповеди «открыл» свою тайну духовнику, что он — «чудесно спасшийся Дмитрий». Тот не замедлил сообщить эту потрясающую новость пану Вишневецкому. Авантюра попала на нужную почву. Благодетель не мог не воспользоваться возможностью угодить будущему русскому царю, он предоставил «Дмитрию» великолепное жилище, богатую одежду и по всей Литве и Польше разнес весть о появлении чудесно спасшегося царевича. И кроме него нашлось достаточно охотников помочь «Дмитрию» вернуть законный престол: активное участие в судьбе изгнанника приняли брат Адама Вишневецкого, Константин, и его тесть сандомирский воевода Юрий Мнишек.

Представ перед польским королем Сигизмундом III, самозванец довольно связанно поведал о тайнах московского двора, но путано излагал рассказ о своем счастливом спасении. Избегая называть факты, имена, даты, он признавал, что его спасение остается тайной для всех, даже для его матери, до сих пор томящейся в одном из русских монастырей.

Для короля такая версия не имела большого значения. В личности самозванца он видел своего союзника, к тому же он придерживался враждебной точки зрения по отношению в России. По наущению иезуитов Сигизмунд решился на поддержку «Дмитрия», под маской добрососедства он попытался раздуть междоусобную войну, не

решаясь открыто нарушить 20-летнее мирное соглашение, подписанное им с Борисом Годуновым. Таким образом, король признал в самозванце царевича Дмитрия, определил ему годовое содержание в 40 тысяч злотых, велел Вишневецким, Мнишеку и другим дворянам составить ему рать и выступить против Бориса.

После королевской аудиенции по настоянию папского нунция Лжедмитрий тайно отрекся от православия и принял католичество.

Юрий Мнишек, человек чрезвычайно жадный и честолюбивый, стал верным союзником Лжедмитрия в реализации его планов. Для извлечения из этого партнерства наибольшей выгоды он решил породниться с будущим русским царем. Для этого он задумал брак с ним своей красавицы дочери Марины, которая была, не менее честолюбива и расчетлива. Таким образом, ее объявили невестой Лжедмитрия, а их законный брак условились оформить после занятия самозванцем престола в Москве. При этом Мнишек предъявлял будущему зятю целый список условий, которые тот должен был беспрекословно принять. Одним из этих условий было то, что после воцарения «царевич» обещает выслать Марине драгоценности из московской казны, а также уступает будущей супруге Новгород и Псков со всеми уездами и пригородами, чтобы «она могла судить и рядить в них самовластно». Также в грамоте, подписанной 12 июня 1604 года, сам Лжедмитрий отдавал Мнишеку в наследственное владение Смоленское и Северское княжества, кроме некоторых уездов, уже обещанных королю Сигизмунду.

В конце августа 1604 войско самозванца выступило из Львова. На русских окраинных землях он встретил мощную поддержку от козаков, южных дворян, которые были недовольны засильем московских дворян, горожан. Откликаясь на грамоты - призывы о присоединении, эти люди надеялись, что он облегчит их положение, сбросит власть Годунова и его бояр. Не прочь воспользоваться случаем, были многие бояре, недовольные Годуновым.

В пользу версии, что царевич Дмитрий - неизвестный русский, найденный для этой роли боярами, чтобы свергнуть Бориса Годунова говорит следующее. Еще в 1600 или 1601 году как сообщает один из офицеров «иностранный полка» француз Я. Маржерет, явился слух, что царевич Дмитрий жив. Борис «навел на себя негодование чиновников», что и «погубило доброцветущую царства его красоту». С.Ф. Платонов несколько раз повторяет, что Лжедмитрий был поставлен боярами, что об этом знал сам Годунов и прямо в лицо говорил это боярам. В соединении с этими известиями получает цену и указание летописцев на то, что Григорий Отрепьев бывал и жил во дворце у Романовых и Черкасских, а также рассказ о том, что Василий Иванович Шуйский впоследствии не обинуясь говорил, что признали самозванца только для того, чтобы

избавиться от Бориса. В том, что самозванец был плодом русской интриги, убеждают и следующие обстоятельства:

- во-первых, по сказаниям очевидцев, названный Дмитрий был великороссиянин и бойко объяснялся по-русски, тогда как польская цивилизация ему давалась плохо;
- во-вторых, иезуиты, которые должны были стоять в центре интриги, если бы она была польской, за Лжедмитрия ухватились только тогда, когда он уже был готов, и, как видно из послания папы Павла V к сандомирскому воеводе, даже в католичество обратили его не иезуиты, а францисканцы;
- в-третьих, польское общество относилось с недоверием к царскому происхождению самозванца, презрительно о нем отзывалось, а к делу его относилось с сомнением.

На основании этих данных, возможно понимать дело так, что в лице самозванца московское боярство еще раз попробовало напасть на Бориса. При Федоре Ивановиче, нападая открыто, оно постоянно терпело поражения, и Борис все усиливался и возвышался. Боярство не могло помешать ему занять престол, потому что, помимо популярности Бориса Годунова, права его на царство были в глазах народа серьезнее прав всякого другого лица благодаря родству Бориса с угасшей династией. С Борисом-царем нельзя было открыто бороться боярству потому, что он был сильнее боярства; сильнее же и выше Бориса для народа была лишь династия Калиты. Свергнуть Бориса можно было только во имя ее. С этой точки зрения вполне целесообразно было популяризировать слух об убийстве Дмитрия, совершенном Борисом, и воскресить этого Дмитрия. Перед этим боярство и не остановилось.

О замысле бояр, должно быть, Борис узнал еще в 1600 году, и в связи с этим, вероятно, стоят опалы Бориса. Первая опала постигла Богдана Бельского. Он был сослан при Федоре, но потом прощен, так что ему позволили вернуться в Москву. Около 1600 года Борис отправил его в степь строить на реке Сев. Донце городок Царев-Борисов. Бельский очень ласкал там рабочих людей, кормил их, искал их расположения и показался опасным Борису. О том, за что он именно пострадал, передают различно, но его внезапно постигла опала, мучения и ссылка. Вообще это дело Бельского очень темно. Несколько больше мы знаем о деле Романовых. После Бельского пришел их черед. Романовых было пять братьев Никитичей: Федор, Александр, Михаил, Иван и Василий. Из них особенной любовью и популярностью в Москве пользовался красивый и приветливый Федор Никитич. Он был первым московским щеголем и удальцом. В 1601 году все Романовы были сосланы со своими семьями в разные места и только двое из них (Федор и Иван) пережили свою ссылку, остальные же в ней умерли. Вместе с Романовыми были сосланы и их родственники: князья Черкасские, Сицкие, Шестуновы, Репнины, Карповы. В опалах,

следовавших за ссылкой Романовых, Борис почти не прибегал к казни, хотя для него дело стояло и очень серьезно: преследуя бояр, не пропуская никого за польскую границу, он, очевидно, с тревогой искал нитей того заговора, который мог его погубить призраком Дмитрия, и не находил этих нитей. Они от него ускользают, а через некоторое времени в Польше является человек, который выдает себя за спасенного царевича Дмитрия.

В ерсию о том, что Лжедмитрий I - незаконный сын Стефана Батория выдвинул Конрад Буссов, немецкий наёмник на русской службе, ещё один очевидец времени Смуты. По его словам, интрига начиналась в Москве, среди недовольной правлением Бориса знати. По её наущению некий Григорий Отрепьев, монах Чудова монастыря, бежал на Днепр с заданием найти и представить к польскому двору подходящего самозванца, который мог сыграть роль погибшего царевича.

Монаха подгонять не пришлось; прибыв на польский рубеж, на Борисфен в Белоруссии (которая принадлежит польской короне), он немедля расставил сети и заполучил, наконец, такого, какого ему хотелось, а именно — благородного, храброго юношу, который, как мне поведали знатные поляки, был незаконным сыном бывшего польского короля Стефана Батория. Этому юношу монах научил всему, что было нужно для выполнения замысла.

Тот же Отрепьев, по словам Буссова, передал подученному им самозванцу натальный крест с именем Дмитрия и в дальнейшем вербовал для него людей в Диком поле.

Современные последователи теории о польском происхождении самозванца обращают внимание на его «слишком легкое» вхождение в страну, где даже один из самых ловких царских дипломатов дьяк Афанасий Власьев казался неуклюжим и необразованным «москвитом», его умение ловко танцевать и ездить верхом, стрелять и владеть саблей, а также на его якобы «немосковский» говор, при том что, по сохранившимся сведениям, он совершенно свободно говорил по-польски.

Противники в свою очередь указывают на то, что Лжедмитрий I, кем бы он ни был, писал с ужасающими ошибками по-польски и по-латыни, бывшей в то время обязательным предметом для любого образованного поляка (в частности, слово «император» в его письме превращалось в «inparatur», а латинскую речь Рангони ему пришлось переводить), а также на видимую приверженность православию. Указывают также на недоверие к нему поляков и самого папы, прямо сравнившего «спасшегося царевича» с лже-Себастьяном португальским..

Людей, считавших Лжедмитрия I никаким не «лже», а самым настоящим царем, чудом спасшимся сыном Ивана Грозного, было немало и среди его современников, и

среди историков. Уже Карамзин намеревался высказаться по сему поводу в «Истории государства Российского», но под давлением правительственных кругов склонился к традиционной версии. А такие историки, как Костомаров, Иловайский, Платонов (крупнейший специалист по русской Смуте), никогда не отождествляли Лжедмитрия I с Отрепьевым. Скажем, Костомаров в докторской диссертации, озаглавленной «Кто был Первый Лжедмитрий?», ясно показал, почему человек, 11 месяцев (1605 - 1606) занимавший московский престол, не мог быть Отрепьевым.

Еще дальше зашел граф С.Д. Шереметев, председатель российской Археографической комиссии: он был уверен, что тогда на Москве правил подлинный царевич Дмитрий. По этому вопросу Шереметев переписывался с профессором Петербургского университета К.Н. Бестужевым-Рюминым, и тот, будучи весьма осторожен в оценках, все же отвечал ему в одном из писем: «...теперь я вижу и считаю вероятным спасение Дмитрия...».

Подобное высказывание авторитетного историка многого стоит, и научная общественность страны ждала появления книги Шереметева. Но книга так и не вышла (по вине все тех же Романовых, 300 лет скрывавших свою причастность к самозванческой интриге!), а ее автора расстреляли в 1918 году.

В свете бытующих представлений о личности Лжедмитрия I версию графа Шереметева иначе как еретической не назовешь. Поэтому уместно спросить: а есть ли под ней какие-либо основания?

Для начала надо поставить ряд вопросов, либо совсем не разъясненных историками, либо разрешенных тенденциозно, с поправкой на официальную версию событий.

1. Почему в следственном деле, составленном комиссией князя Василия Шуйского по факту гибели царевича Дмитрия, нет показаний Марии Нагой - бывшей царицы, матери убиенного? Почему нет свидетельства врачей? Почему, наконец, тело не осматривали, а сразу отнесли в церковь и выставили охрану?

2. Был ли царевич действительно болен эпилепсией?

3. Почему так подозрительно схожи показания свидетелей, в том числе тех, кто лично не видел, как погиб царевич?

4. Почему стремительно расправились с предполагаемыми убийцами, даже не допросив их?

5. Чем объяснить поведение царского окольного Андрея Клешинина, когда он увидел в церкви тело царевича?

6. Почему три дня спустя после угличских событий в Ярославле объявился Афанасий Нагой, испрашивающий у Джерома Горсея, торгового агента английского подворья в Ярославле, лекарства для Марии Нагой?

7. С какими целями приплывала на стругах в Углич казачья ватага донского атамана Корелы, покинувшая город в день убийства царевича?

8. При каких обстоятельствах Григорий Отрепьев получил (да и получал ли?) от инокини Марфы, в миру Марии Нагой, нательный крестик ее сына?

9. Кто был таинственный монах Леонид, спутник Отрепьева в его скитаниях по монастырям? О Леониде рассказывают письменные источники того времени, но ни словом не упоминают нынешние учебники истории.

10. Чем объясняется несоответствие в возрасте между тем, кого принято именовать Лжедмитрием I, и настоящим Григорием Отрепьевым?

Если ответить на эти вопросы, сообразуясь с реалиями жизни, а, не подгоняя ответы под официальную версию, сложится картина, совершенно не похожая на привычную, и мы заглянем в такое темное закулирье отечественной истории, о коем и не догадывались.

Убийство царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 года послужило своего рода ключом, с помощью которого завели механизм русской Смуты XVII века. Едва о случившемся узнали в Москве, как в Углич отрядили правительственную комиссию во главе с князем Шуйским. Ему помогали митрополит Крутицкий Геласий, окольный Андрей Клешнин и дьяк Елизар Вылузгин. Они учинили расследование и пришли к выводу, что царевич погиб от несчастного случая - сам накололся на нож во время эпилептического припадка.

Итоги работы комиссии отражены в следственном деле, озаглавленном «Обыск». Долгое время оно пылилось в архиве, но в конце концов попало на глаза исследователям. Тогда и выяснилось, что в нем не хватает весьма важных документов: показаний Марии Нагой, свидетельства о смерти царевича и протокола осмотра его тела. Почему? Может быть, состояние юриспруденции и медицины в конце XVI века было таково, что подобные формальности не требовались? Но множество судебных дел, сохранившихся с той эпохи, доказывают: и акт об осмотре тела, и медицинское свидетельство были обязательны. В «Обыске» это правило нарушено. С какой же целью?

Хотя бы ради сокрытия истинного положения вещей. По Угличу ходили упорные слухи, что царевич не зарезался, а зарезан. Что дал бы в таком случае осмотр тела? Вероятно, обнаружили бы множественные ранения (объявлено, что убийц четверо), а не одну рану, и подтвердилась бы версия о заказном убийстве. А поскольку в организации

его подозревался правитель Борис Годунов (что, кстати, по сей день не доказано), пришлось спасать его репутацию. И следственное дело фальсифицировали - потому и не оказалось там ни медицинских заключений, ни показаний царицы-матери. Пока удовлетворимся таким отве-том на первый вопрос.

Следующий - страдал ли царевич эпилепсией - на первый взгляд кажется неправомерным. Мыслимо ли сомневаться в столь хрестоматийном факте? Да, но нет ни одного документа, датированного ранее мая 1591 года, где упоминалось бы о болезни Дмитрия. Впервые о ней сказано именно в «Обыске», откуда эта информация затем перекочевала во все ученые (и учебные!) труды. Или «черный недуг» царевича тщательно скрывали? Не исключено. Однако жизнь чаще всего подтверждает поговорку: шила в мешке не утаишь. Как бы строго ни блюли тайну о состоянии здоровья наследника трона, рано или поздно что-то вышло бы наружу. Но никаких «утечек» не зафиксировано.

Кроме того, если царевич болел падучей, кто же поверит, что мать запросто отпустила его во двор играть с ножом?! Ведь для семейства Нагих Дмитрий был не просто родным, а наследником престола - что, во-первых, гарантировало ссыльным Нагим личную безопасность, а во-вторых, давало им уверенность в будущем. Все знали: царь Федор немощен и вряд ли долго протянет, и тогда на трон взойдет Дмитрий.

А коли так, ни о какой небрежности надзора за ним не могло идти речи. В подтверждение - два слова о том, как опекали царевича Алексея, больного гемофилией. С него буквально не спускали глаз, за ним ходил по пятам (и нередко носил его на руках) специально приставленный к нему дядька, матрос Деревенко, и, уж конечно, Алексею были запрещены все резвые игры, при которых он мог бы пораниться.

Тут же - поистине идиотский случай: ребенку, подверженному эпилептическим припадкам, вручают нож и отпускают играть в «тычку» на задний двор! Где он и зарезался, согласно «Обыску», или где его убили, согласно слухам. С болезнью Дмитрия напрямую связаны показания свидетелей, имеющиеся в «Обыске». Они любопытны тем, что повторяют одно и то же, будто разные люди зазубрили один и тот же текст, как азбуку.

Боярыня Волохова, царевичева мамка (по слухам, соучастница убийства): «Играл царевич ножиком, и тут пришла на царевича та же черная болезнь и бросила его о землю, и тут царевич сам себя ножиком поколол в горло...». Ирина Тучкова, кормилица: «...как пришла на царевича болезнь черная, а у него в те поры был нож в руках, и он ножом покололся...».

Мария, постельничая: «...и пришла на него болезнь черный недуг, а у него был ножик в руках, и он тем ножиком сам покололся».

Пономарь Огурец: «...и пришла на него старая болезнь падучий недуг, и он ножом сам себя поколол».

Четверо детей, якобы игравших с царевичем в тычку: «...и пришла на него болезнь падучий недуг, и набрушился на нож...»[29, с.154].

Завидное однообразие, не правда ли? Все пять свидетельств выглядят как пять унитарных патронов, которыми впору заряжать обойму. Две вещи сразу бросаются в глаза: согласное упоминание о «черной болезни» и согласное же утверждение, будто Дмитрий «сам покололся». Легко поверить, что о падучей знали мамка, кормилица и постельничая, ежедневно общавшиеся с царевичем, но откуда знал пономарь Огурец, человек, далекий от семейства Нагих, и, уж конечно, не посвященный в их семейные тайны? Мало того, именно Огурец единственный подчеркнул, что болезнь - старая!

Тянем ниточку дальше. Истории известно, что 15 мая 1591 года угличане по указке Нагих убили 12 человек, подозревавшихся в покушении на царевича. Имен восьмерых мы не знаем, четверо же - обвиненные в убийстве - фигурируют в следственном деле. Это отец и сын Битяговские, сын боярыни Волоховой Осип и Никита Качалов. Как на убийц на них показали Нагие. Но разве в интересах последних столь скорая расправа? Ведь она лишала возможности узнать от убийц, кто их подослал! Опять, как и в эпизоде с ножом, Нагие выглядят людьми исключительной глупости и выдающейся безответственности. Между тем, по крайней мере, глава клана - Афанасий Нагой - отличался умом дальним и острым. Недаром еще царь Иван поручал ему ответственные дипломатические дела! И такой-то человек допустил расправу над людьми, показания которых могли бы предоставить единственный шанс выйти на организаторов заговора против царевича?! Верится, мягко говоря, с трудом...

Но все встает на свои места, если предположить, что 15 мая 1591 года в Угличе убили не царевича Дмитрия, а подставного мальчика. Невероятно? А иначе зачем так строго охранять тело убитого? Без медицинского освидетельствования, его сразу отнесли в церковь Св.Спаса и затем пускали туда только членов московской комиссии и ближайших родственников. Нагие всеми правдами, а пуще неправдами старались уверить общественное мнение, что царевич погиб, и потому сначала расправились с Битяговскими (чтобы некому было проболтаться о подмене), а затем до предела ограничили доступ к телу (чтобы никто этой подмены не заметил *postfactum*). Объясняется и легкость, с какой Нагие отправили мальчика играть в тычку: мальчик-то «фальшивый»!

Следующая загадка - казус, случившийся с Клешнинным, когда следственная комиссия вошла в церковь Св.Спаса. По словам летописи, окольный остолбенел и потерял дар речи, едва взглянув на убитого. Что же так поразило его, единственного из

членов комиссии, кто знал Дмитрия в лицо? В свое время смелое предположение на сей счет выдвинул писатель Федор Шахмагонов: «Он (Клешнин. - Б.В.) увидел тело убитого отрока, а не царевича...».

Можно только гадать, отчего Клешнин не разоблачил подмену сразу же, но нет сомнения, что по приезде в Москву он обо всем подробно доложил правителю. Более того, есть основания считать, что не только Борис Годунов, но и царь Федор знал о мистификации в Угличе и держал ее в тайне. Утечка информации взорвала бы хрупкое спокойствие государства, и Смута началась бы на девять лет раньше.

Объясняется и таинственное исчезновение Афанасия Нагого из Углича в день приезда следственной комиссии. Она, как известно, арестовала всех Нагих, кроме Афанасия,- его не могли нигде отыскать. Он объявился лишь через три дня - в Ярославле, у английского торгового агента Горсея. Нагой сообщил ему о смерти царевича, а также об отравлении царицы - будто бы у нее выпадают волосы и сходят ногти, и он, Афанасий, просит его, Горсея, Христа ради помочь лекарствами. Получив от английского купца нужный настой, Афанасий уехал в Углич, но туда не прибыл.

В тот же день, 15 мая 1591 года, произошло еще одно примечательное событие, отчего-то не привлекшее внимания историков: от угличского причала отошло несколько стругов, принадлежавших донским казакам во главе с атаманом Корелой. Когда они прибыли в город - не так уж важно. А вот зачем... Хотя и этим вопросом можно бы не мучиться, если бы не роль, которую сыграл Корела через 12 лет, став вернейшим соратником Лжедмитрия I. Случайность, конечно, не исключена, но такие случайности бывают только в плохих романах. Скорее всего, визит казаков в Углич - запланированное мероприятие, и по мнению некоторых исследователей, струги не случайно отбыли из Углича в тот самый день. Ибо пассажиром одного из них был... живой и невредимый царевич.

Издавна интересовали историков отношения инокини Марфы и самозванца. Почему та отдала нательный крест сына какому-то безвестному бродяге, явившемуся к ней в монастырь одетым в рубище и в сопровождении такого же, как он, оборванца? Мнения специалистов сошлись на том, что Отрепьев получил крест либо с помощью какой-то дьявольской хитрости, либо запугав старицу, душевно ослабленную долгим заточением.

Здесь мы подходим, пожалуй, к главному - к личности загадочного монаха Леонида, спутника Отрепьева.

О существовании Леонида никогда не слышали даже студенты первых курсов истфаков. А между тем его личность - ключевое звено самозванческой интриги. Любой,

кто знает - из учебников истории либо из пушкинского «Бориса Годунова» - обстоятельства побега Отрепьева из Чудова монастыря, запомнил и его товарищей Варлаама Яцкого и Мисаила Повадьина, бежавших вместе с ним. И считает, что беглецов было трое. Но исторические документы свидетельствуют о четверых! И первое свидетельство такого рода содержится в «Извете» самого Варлаама (т.е. его показаниях как сообщника Отрепьева по побегу, данных правительству Василия Шуйского, теперь уже царя, в 1606 году). Автор повествует, как он, не желая вместе с Отрепьевым покидать Киево-Печерскую лавру, просил настоятеля оставить его, на что тот ответил: «Четверо вас пришло, четверо и подите».

Позже много спорили, кто же был четвертым; называли провожатых - монахов Ивашку Семенова и Пимена, но в конце концов дружно сошлись на Леониде. О нем упоминают многие источники того времени: «Иное сказание», «Повесть, како восхити царский престол Борис Годунов», «Сказание о царствовании царя Феодора Иоанновича», «Записки» капитана Маржерета, «Хроника» Буссова и т.д.

Но кто же такой Леонид? Сенсационные сведения о нем отыскивались в синодике Макарьевского монастыря на Нижегородчине. Та поминальная книга, начатая еще при Алексее Михайловиче, предназначалась для занесения в нее лишь имен русских царей, высших церковных иерархов и наиболее знатных бояр и дворян. И в их списке - сразу за митрополитами и архиепископами - указан... инок Леонид! А уж затем идут Мстиславские, Шуйские, Романовы. О чем это говорит? Не о том ли, что спутник Отрепьева, с которым тот посетил инокиню Марфу (Марию Нагую) в монастыре и которому она отдала нательный крест царевича Дмитрия, и был самим царевичем? Подчеркиваю - Марфа отдала крестик именно Леониду, а не Отрепьеву!

Других доказательств того, что Лжедмитрий не был самозванцем, еще немало. Правда, это косвенные доказательства, но их нельзя сбрасывать со счетов.

Если бы названный Дмитрий был беглый монах Отрепьев, убежавший из Москвы в 1602 году, то никак не мог бы в течение каких-нибудь двух лет усвоить приемы тогдашней польской шляхты и русской высшей аристократии. Со слов современников известно, что царствовавший под именем Дмитрия превосходно ездил верхом, изящно танцевал, метко стрелял, ловко владел саблей и в совершенстве знал польский язык. Даже в русской речи его слышен был не московский выговор. Наконец, в день своего прибытия в Москву, прикладываясь к образам, он возбудил внимание своим неумением сделать это с такими приемами, какие были в обычае у природных москвичей (и это дьяк Чудового монастыря!). Это неумение подтверждает сведения, которые были озвучены Дмитрием в своих грамотах, где он рассказывал «...историю о Димитриевом спасении,

свидетельствуясь именем людей умерших, особенно даром Князя Ивана Мстиславского, крестом драгоценным, и прибавляя, что он (Димитрий) тайно воспитывался в Белоруссии, а после тайно же был с канцлером Сапегою в Москве, где видел хищника Годунова сидящего на престоле Иоанновом»[16,Т.11,с.367].

Главное же доказательство – поведение самого Лжедмитрия. С первого же дня своего царствования он повел себя отнюдь не как самозванец, а напротив, как государь, вернувший себе законный престол.

Что стал бы делать фальшивый царь? Прежде всего, ликвидировал бы нежелательных свидетелей. Благо и случай представился, причем такой, лучше которого и желать было нельзя. Суд боярской думы приговаривает к смерти Василия Шуйского, того самого боярина, который расследовал убийство в Угличе, собственными глазами видел труп мальчика. Но Лжедмитрий милует Шуйского.

Современники рассказывают, что царь Дмитрий показывал народу в Москве настоящего Гришку Отрепьева, о котором впоследствии объявили, что это был не настоящий, а подставной Отрепьев, что это был инок Крыпецкого монастыря, Леонид, другие, что это был монах Пимен. Но Григорий Отрепьев был вовсе не такая малоизвестная личность, чтоб можно было подставлять на место его другого. Григорий Отрепьев был крестовый дьяк (секретарь) патриарха Иова, вместе с ним ходил с бумагами в царскую думу. Все бояре знали его в лицо. Григорий жил в Чудовом монастыре, в Кремле, где архимандритом был Пафнутий. Само собой разумеется, что если бы названный царь был Григорий Отрепьев, то он более всего должен был бы избегать этого Пафнутия и, прежде всего, постарался бы от него избавиться. Но архимандрит Пафнутий в продолжение всего царствования Дмитрия был членом учрежденного им сената и, следовательно, виделся с царем почти каждый день.

Дмитрий не преследовал вообще тех, которые сомневались в его подлинности. «Астраханский владыка Феодосий упорно держался Годунова и усердно проклинал Гришку Отрепьева, пока наконец народ изругал его и отправил к воцарившемуся Димитрию. «За что ты, - спросил его царь, - прирожденного своего царя называешь Гришкою Отрепьевым?». Владыка отвечал: «Нам ведомо только то, что ты теперь царствуешь, а Бог тебя знает, кто ты такой и как тебя зовут». Димитрий не сделал ему ничего дурного»[21,с.346].

А как стал бы себя вести самозванец в начальный период своего незаконного правления? Наверное, попытался не выходить из имиджа «православного государя». А Лжедмитрий безжалостно рушит все каноны. Открыто говорит о том, что ему по сердцу западные порядки, западная мода. Он открыто пренебрегает такими устоявшимися

обычаями, как медленное вышагивание по дворцу, непрменный сон после обеда. В его поведении и делах, которые описывает приверженец версии лжецаревича Гришки Отрепьева Н.М. Карамзин ярко «виден» молодой царь-реформатор Петр I, его начальные потешные дела, пьяные утехы, а затем и реформаторские дела, за которые спустя столетия назовут царя - Петром Великим. Правда, Петр не побоялся рубить головы боярам, а Дмитрий Иванович в этом отношении оказался более либеральный, за что и поплатился собственной головой.

Может быть, Лжедмитрий надеялся на поляков, пришедших в Москву вместе с ним? Но «польской марионеткой» он отнюдь не был. Наоборот, сразу же рассорился с Сигизмундом III, отказавшись делать ему территориальные уступки и вводить в России католичество. А ведь будь он самозванцем, именно разоблачений из Польши ему следовало опасаться больше всего. «Уже перед лицом смерти, лежа со сломанной ногой среди мятежников, Лжедмитрий продолжал уверять всех в том, что он законный царь. Когда после смерти Лжедмитрия у Марии Нагой спросили, ее ли это сын, она произнесла хорошо известную фразу: «Об этом надо было спрашивать, когда он был жив...». По другому, польскому, известию она сказала: «Было бы меня спрашивать, когда он был жив, а теперь, когда вы его убили, он уже не мой» [24,с.257].

Можно добавить, что ни царь Федор Иоаннович о своем брате, ни царица Мария о сыне не сделали заупокойных вкладов в монастыри и церкви, явно нарушая тем самым традицию.

Есть сведения, что Борис Годунов, выясняя, кто его новый враг, пришел к выводу, что это известный ему Григорий (Юрий) Отрепьев. Борис объявил боярам, что подстановка самозванца их дело. Велел привезти в Москву мать царевича Марфу. «На вопрос Годунова жив ли её сын, Марфа отвечала, что точно не знает, что до неё доходили слухи, что сын жив, но те, кто говорил уже умерли. Годунов едва успел оттащить свою разъяренную жену, собиравшейся выжечь Марфе глаза» [24,с.243].

В начале 1605 года по приказу и образцу, присланному из Москвы, пограничные воеводы разослали к пограничным польским шляхтичам грамоты, с известиями об Отрепьеве, но грамоты эти, составленные с ошибочными датами и массой неточностей, давали самозванцу и бывшим при нем русским людям возможность уличать московское правительство во лживости и противоречиях.

В присяге на верность войска царю Федору Борисовичу Годунову по сведению Н.М. Карамзина указано: «...Заметили также, что в присяге Феодоровой Самозванец не был именован Отрепьевым: слагатели ее, вероятно, без умысла, написали единственно: клянемся не приставать к тому, кто именует себя Димитрием. «Следственно, говорили

многие, сказка о беглом Диаконе Чудовском уже торжественно объявляется вымыслом. Кто же сей Димитрий, если не истинный?» Самые верные имели печальную мысль, что Феодору не удержаться на престоле».[16,Т.11,с.287].

Кто же скрывался за личностью, объявившей себя воскресшим царевичем Дмитрием Ивановичем, остается загадкой для историков по сей день. Ответить на него сложно. Как можно верить официальной версии Василия Шуйского, если он сам принародно несколько раз менял свои показания, целуя крест, совершая святотатство.

**Царь и государь Всея Руси
Иоанн IV Васильевич Грозный**

**Император и Великий государь
Всея Руси Лжедмитрий I**

Признать династии Романовых убитого царя Дмитрия Ивановича за «истинного царевича», значит признаться в своем участии вместе с Нагими в попытке свержения Годунова, а возможно и правящего в 1591 году царя Федора Ивановича, и как следствие, в насильственном устранении с трона законного наследника рода Рюриковичей. А из этого вытекает, что династия русских царей Романовых триста лет правила незаконно, на крови.

До нас дошел современный портрет Лжедмитрия I в гравюре Луки Килиана. Если смотреть на возможных отца и сына, то, безусловно, находишь определенные общие черты. Жалко, что нет ни одного сохранившегося изображения Марии Нагой. И к сожалению невозможно провести генетической экспертизы останков Самозванца. Тогда бы все спорные вопросы об этой личности были закрыты.

Выводы по 3 главе.

Рассматривая множество версий реальных и просто неправдоподобных о том, кем же был на самом деле Лжедмитрий I, так и нельзя прийти к выводу, который будет единственно правильным.

С высокой степенью достоверности можно утверждать одно-единственное: Лжедмитрий кто бы он ни был, достаточно долго прожил в Западной Руси. Что ни чего не доказывает конкретно, поскольку с равным успехом может быть приложено и к самозванцу-уроженцу Западной Руси, и к настоящему царевичу, долго жившему вдали от родины, от Восточной Руси.

Дело даже не в недостатке доказательств, а в личности Лжедмитрия I. Перед нами - человек, собиравшийся царствовать всерьез и надолго, а потому не склонный каким бы то ни было образом наносить ущерб Московскому государству либо православной вере. Человек умный, ничуть не жестокий, не чванный, склонный к реформам и новшествам на европейский лад.

Кем он был на самом деле, мы вероятно уже никогда не узнаем. Но то, что это была безусловно талантливейшая личность споров не вызывает. Никому ни до него, ни после него, в истории России не удавалось за столь короткий срок достичь столь много. Если взять официальную версию, то молодой монах расстрига меньше чем за два года своей деятельности стал главой Великого государства! И потом неплохо правил!

Могло ли быть благотворным правление на Русь самозванцев, в частности Лжедмитрия I, сейчас судить трудно, но в одном можно не сомневаться: долгое правление Лжедмитрия I на Руси вполне бы могло привести к тому, что было бы преодолено отставание от Западной Европы - и в военном деле, и в образовании, Россия смогла бы избежать всех жертв и бед, вызванных тем, что именуется «Петровскими реформами», и уж в любом случае страна никогда бы не сорвалась в Смуту. А это, в свою очередь, могло и не привести к будущему расколу русского православия на «староверов» и «никонианцев».

Заключение

История России сплошь состоит из тайн и загадок, и одна из них - тайна Смутного времени. Кто убил или не убил в Угличе царевича Дмитрия, кто надоумил Григория Отрепьева, или сына Стефана Батория, или ставленника иезуитов, или все же настоящего царевича Дмитрия Иоановича назваться Государем Всея Руси. Множество «или» и «может быть» скрываются за темными страницами пошлого этого времени.

Но, по нашему мнению, в истории Смутного времени особенно интересна личность Лжедмитрия I. Был ли он на самом деле выдающимся правителем? Был ли он реальным шансом для России пойти по европейскому пути развития, а не по деспотичному? Как простой монах смог взойти на русский престол и, более того, продержаться на нем около года при полной поддержке народа? Кто натолкнул его на эту идею, и кто способствовал его свержению?

Все эти вопросы и множество «или» и «может быть» определили актуальность проблем загадочности личности Лжедмитрия I и политических и социально-экономических предпосылок, приведших его на российский престол.

В начале XVII века Русское государство вступило в полосу экономического упадка, внутренних раздоров и военных неудач. Непомеренные государственные повинности на ливонскую войну привели к разорению и оскудению России. Помимо обычных налогов, практиковались чрезвычайные и дополнительные. Опричнина нанесла крестьянам огромный материальный вред, «походы» и эксцессы опричников разоряли население.

Потеря выхода к Балтийскому морю привела к резкому снижению торговли с зарубежными странами и огромным финансовым потерям.

Усиление крепостной и государственной тягости, вследствие ряда царских указов 1592, 1597 и 1601 годов, привело к массовым уходам крестьян на новые земли. Усиливались большие противоречия между московским привилегированным и окраинным, особенно южным дворянством.

Составившееся из беглых крестьян и иных вольных людей козачество, представляло собой горячий материал на южных границах государства: во-первых, у многих были кровные обиды на государство и бояр-дворян, во-вторых, это были люди, главное занятие которых составляли война и грабеж.

Недовольны были не только низы общества, но и верхи. Обладая огромными земельными богатствами и опираясь на древние обычаи, знать, противилась самодержавным поползновениям монархии и претендовала на то, чтобы делить власть с царем. Тем более, избранный на престол Земским собором в 1598 году Борис Годунов

оставался в глазах князей и бояр худородным выскочкой, занявший престол «не по праву», в обход других кандидатов.

Умирая, Иван Грозный передал трон любимому сыну - Федору, а Дмитрию выделил удельное княжество со столицей в Угличе. Оба наследника по официальной исторической версии были больны: Федор был слабоумным и хилым, а Дмитрий страдал эпилепсией. Прошло несколько лет, и Борис Годунов, управлявший государством от имени недееспособного Федора, прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского, наделенного большими полномочиями. Фактически царевич Дмитрий и его мать лишились почти всех прерогатив, которыми они обладали в качестве удельных владык. А 15 мая 1591 года царевич Дмитрий погиб. Смерть Дмитрия сопровождалась бурными событиями. В Угличе произошло народное восстание. Смерть Дмитрия вызвала многочисленные толки в народе. Однако в Москве правил законный царь Федор Иоаннович и династический вопрос никого не занимал. Но после смерти Федора и взошествия на престол Бориса Годунова династический вопрос обсуждался, как мне кажется, не в одном из Семейств Рюриковичей (Шуйский, Романовы и т.п.).

Кроме шаткости престола под Годуновым, как «худородным царем», разразившийся в 1601-03 годах в государстве небывалый голод привел к тому, что многие от голода отдавали себя в холопы, и, наконец, нередко господа, не в силах прокормить скот, выгоняли слуг. На окраины, особенно южные и юго-западные бежало множество людей. Там скапливался горячий материал, готовый вспыхнуть в любое время. Начались разбои и волнения беглых и «гулящих» людей, которые действовали под самой Москвой. Народ связывал бедствия страны с убийством Дмитрия и несправедным воцарением Годунова.

В 1600 году появились первые слухи, что царевич Дмитрий жив и это «настоящий», «богом данный» царь. Поэтому, период с 1600 по 16005 года Борис Годунов провел, пытаясь восстановить в стране порядок, сражаясь с боярами и Лжедмитрием, и умер 13 апреля 1605 года в разгар этой борьбы (есть версии, что был отравлен).

После смерти отца Царем и государем Всея Руси в 16 лет стал Федор Борисович Годунов. Положение в стране в тот момент было крайне тяжелое. Лжедмитрий I набирал силу: его признали южные области страны, численность его войска увеличивалась, бояре, ненавидевшие Годуновых, были готовы оказать самозванцу всяческую поддержку.

В июне 1605 года в столице вспыхнуло восстание: Федора, его мать и сестру сначала схватили и заперли в их прежнем доме. По приказу самозванца в Москву приехали князь Голицын и Масальский с единственной целью «покончить» с

Годуновыми. 10 июня 1605 года Федор Борисович Годунов и его мать Мария Годунова, дочь Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского, широко известного под именем Малюты Скуратова, были убиты.

20 июня 1605 года Лжедмитрий торжественно въехал в Москву, а 21 июня 1605 года «самозванец» венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля и стал Царем и государем Всея Руси.

Триста тридцать один день - ровно столько полных суток Лжедмитрий Первый оставался властелином - с того самого дня, как триумфально въехал в Москву, до той ночи, когда в Кремль ворвались заговорщики.

Если охарактеризовать правление Лжедмитрия каким-то одним словом, лучше всего будет сказать – спокойное, не отмеченное мало-мальски серьезными бунтами и потрясениями.

Царствование началось с милостей. Практически всех, кто был репрессирован при Годунове, вернули из ссылки, возвратили конфискованное имущество, произвели в новые чины. Реформы были обширными и толковыми. Даже ярый и непримиримый враг Лжедмитрия, голландский купец Исаак Масса в своих мемуарах вынужден был признать, что новые законы «безупречны и хороши».

Прежде всего, новый царь объявил свободу торговли, промыслов и ремесел, отменив все прошлые ограничения. А вслед за тем уничтожил «всякие стеснения» тем, кто хотел выехать из России, въехать в нее или свободно передвигаться по стране. Многим вернули имения, отобранные еще Иваном Грозным. Иным князьям разрешил жениться, что было запрещено в свое время Годуновыми из опасения, что слишком много станет тех, в ком течет кровь Рюриковичей. Всем служилым людям вдвое увеличили жалование, ужесточили наказания для судей за взятки и сделали судопроизводство бесплатным. В Россию стали во множестве приглашать иностранцев, знающих ремесла, которые могут оказаться полезными для Московского государства.

Кое в чем Лжедмитрий пошел даже дальше, чем его предшественники: при прежних царях высшее православное духовенство приглашалось в Боярскую думу лишь в исключительных случаях, но Лжедмитрий отвел патриарху и архиереям постоянные места в тогдашнем «сенате».

Очень важными были новые законы о холопстве. При Годунове человек, запродавший себя в холопы, «по наследству» вместе с прочим имуществом переходил к наследникам своего хозяина, мало того, все его потомство автоматически становилось холопами. Согласно указу Лжедмитрия, эту практику отменили - со смертью господина холоп получал свободу, а запродаться в «кабалу» мог только сам, его дети оставались

свободными. Кроме того, было постановлено, что помещики, не кормившие своих крестьян во время голода, не смеют более удерживать их на своих землях; а помещик, не сумевший изловить своего беглого крепостного в течение пяти лет, теряет на него все права.

Из воспоминаний практически всех, как дружелюбно настроенных к новому царю, так и зяблых недругов, встает человек, крайне напомилавший молодого Петра Первого - умный, живой и любознательный, охотно перенимавший европейские новшества, доступный и простой в обращении, сплошь и рядом ломавший замшелые традиции. Что примечательно, в отличие от истеричного и кровожадного Петра, Лжедмитрий был совершенно не жесток, временами заходя в доброту чересчур далеко, к своей же невыгоде.

Можно сказать, что его политика носила явный компромиссный характер. Не исключено, что, удержись он у власти, быть может, реализовался бы вариант постепенного преодоления раскола общества путем компромиссов. Но этого не случилось из-за отсутствия поддержки верхушки аристократии российского государства.

«Лжедмитрий сослужил свою службу, к которой предназначался своими творцами, уже в момент своего воцарения, когда умер последний Годунов — Федор Борисович. С минуты его торжества в нем боярство уже не нуждалось. Он стал как бы орудием, отслужившим свою службу и никому более не нужным, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь к престолу будет свободен достойнейшим в царстве». Это мнение одного из лучших знатоков смутного времени С.Ф. Платонова объясняет заговор и смерть человека, назвавшегося сыном Ивана Грозного.

17 мая 1606 года под руководством Шуйских произошло восстание против поляков в Москве и убийство Лжедмитрия I. Таким образом, закончился династический период смуты.

Кем же был этот молодой человек, назвавший себя сыном Ивана Грозного и ставший Царем и Государем Всея Руси Дмитрием Иоановичем?

Среди историков взаимно существуют несколько версий о человеке, одиннадцать месяцев занимавшем в XVII веке первое место в России. В его лице пытались видеть:

- поляка или литовца по происхождению, чуть ли не внебрачного сына польского короля Стефана Баторина, специально подготовленного иезуитами;
- неизвестного русского, найденного для этой роли боярами, чтобы свергнуть Бориса Годунова;
- истинного представителя великокняжеской династии Рюриковичей, спасенного от убийц в Угличе;

- и, наконец, Григория Отрепьева, беглого дьякона московского Чудова Монастыря, выдававшего себя за сына Ивана IV – Дмитрия.

До настоящего времени неизвестно, кто он был на самом деле, хотя о его личности делалось много разысканий и высказано много догадок.

Борис Годунов и московское правительство объявило его галицким боярским сыном Гришкой Отрепьевым только в январе 1605 года. Раньше в Москве, вероятно, не знали, кем счесть и как назвать самозванца.

Однако, 21 июня 1605 года «самозванец» венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля и стал Царем и государем Всея Руси, и, соответственно, был признан как сын Ивана Грозного – царевич Дмитрий, всей аристократической и церковной верхушкой земли русской, а также своей матерью Марией Нагой. Князь Шуйский, будущий убийца Лжедмитрия I, прилюдно целовал крест на то, что на царство венчается, спасенный от рук Бориса Годунова, царевич Дмитрий.

17 мая 1606 года после убийства заговорщиками во главе с будущим царем Василием Шуйским Царь и государь Всея Руси и даже Российский император Дмитрий Иоаннович становится «самозванцем».

Дальнейшая история Дмитрия пишется победителями Шуйскими, а затем Романовыми, которые называют Лжедмитрия I – Григорием Отрепьевым.

Достоверность этого официального показания принимали на веру все старые наши историки, правда, еще во второй половине XVIII века Миллер занимался Лжедмитрием I, склоняясь к убеждению, что царевич был настоящий. Многие историки сто пятьдесят лет назад считали, что самозванец и в самом деле был чудесным образом избежавший смерти сын Ивана Грозного. Эта точка зрения берет начало в XVII веке, когда немало иностранных авторов придерживались именно ее (Паэрле, Бареццо-Барецци, Томас Смит и др.). Однако первым, кто выдвинул версию о подлинности Дмитрия и горячо ее отстаивал, был француз Жак Маржерет, который был очевидцем и участником Смуты и, кроме того, был начальником одного из отрядов дворцовой гвардии Лжедмитрия.

Придворный историк Карамзин намеревался высказаться по сему поводу в «Истории государства Российского», но под давлением правительственных кругов склонился к традиционной версии. Не мог историк, пишущий историю государства российского для правящего дома Романовых, обвинить их в приходе к власти на крови истинного Рюриковича.

Такие историки, как Костомаров, Иловайский, никогда не отождествляли Лжедмитрия I с Отрепьевым. Скажем, Костомаров в докторской диссертации, озаглавленной «Кто был Первый Лжедмитрий?», ясно показал:

- во-первых, что Лжедмитрий и Отрепьев два разных лица;
- во-вторых, «...вопрос о том, кто был этот загадочный человек, много занимал умы и до сих пор остался неразрешенным. Его поведение было таково, что скорее всего его можно было признать за истинного Дмитрия; но против этого существуют важные доводы [24,с.312].

В 1865 году появился еще труд о Лжедмитрии В.С. Иконникова. В своей статье «Кто был первый Лжедмитрий» («Киевские Университетские Известия», февр. 1864 г.) Иконников берет в основу своего исследования точку зрения «французского служилого человека Я. Маржерета» и некоторых других современников, что Лжедмитрий есть истинный царевич, спасенный вовремя от убийц.

Самый крупный знаток Смутного времени С. Ф. Платонов пришел к заключению, что вопрос о личности самозванца не поддается решению. Столь же осторожной была точка зрения профессора В.О. Ключевского. Как отметил этот историк, личность неведомого самозванца остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее.

Граф С.Д. Шереметев, председатель российской Археографической комиссии был уверен, что в Смутное время на Москве правил подлинный царевич Дмитрий. По этому вопросу Шереметев переписывался с профессором Петербургского университета К.Н. Бестужевым-Рюминым, и тот, будучи весьма осторожен в оценках, все же отвечал ему в одном из писем: «...теперь я вижу и считаю вероятным спасение Дмитрия...».

Подобное высказывание авторитетного историка многого стоит, и научная общественность страны ждала появления книги Шереметева. Но книга так и не вышла (по вине все тех же Романовых, 300 лет скрывавших свою причастность к самозванческой интриге!), а ее автора расстреляли в 1918 году.

Таким образом, можно сказать, что, чем ближе исторические источники по времени к событиям Смутного времени, тем больше свидетельств того, что 17 мая 1606 года во время заговора, возглавляемого Шуйскими и Романовыми, был убит истинный последний царь Руси из рода Рюриковичей.

Список литературы

1. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. – Л.: Наука, 1988. – 241с.
2. Альшиц Д. Н. Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. – Новосибирск, 1990. – 421 с.
3. Бахрушин С. В. Проблемы общественно - политической истории России и славянских стран. – М.: Политиздат, 1963. – 381 с.
4. Безбородко Ф.Н. В преддверии смуты //«Фигуры и лица» приложение к «Независимой Газете» №4, февраль 1998 г.
5. Борисов Н.С., Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Ключ к истории Отечества – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 192с.
6. Валишевский К. Иван Грозный: Репринт. воспроизведение изд. 1912 г.: [Пер. с фр.]. – М.: Мысль, 2005. – 418 с.
7. Валькова В.Г., Валькова О.А. Правители России. – М.: Рольф. 2007. – 352с., с илл. – (Энциклопедия).
8. Варламов А.М. Русские во время смуты. //Независимая Газета от 20.06.97г.
9. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки соц. - экон. и полит. истории середины XVI в. – М.: Наука, 1960. – 511 с.
10. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. – М.: Наука, 1982. – 398с.
11. История России с древности до наших дней. Учебник для ВУЗов /Под редакцией М.Н. Зуева. – М.: Высшая школа, 2002. – 532с.
12. История России от древнейших времен до начала XX века. Учебник для ВУЗов/Под редакцией И.Я. Фроянова. – М.: Владос, 2001. – 478с.
13. История России с древнейших времен до конца XVII века /А.П. Новосельцев, А.Н. Сахаров, В.И. Буганов, В.Д. Назаров. – М.: Изд-во АСТ, 1996. – 576с.
14. История Отечества в вопросах и ответах: Учеб. пособие. Ч.1. /Н.М. Арсентьев, В.А. Юрченков. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – 260с.
15. История Отечества: Учеб.-метод. пособие /Редкол.: А.П. Лебедев, С.К. Котков, Л.Г. Филатов и др. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – 140с.
16. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.:Мысль, 1988-1989.- Т.10 -1.
17. Каргалов В.В., Савельев Ю.С., Федоров В.А. История России с древнейших времен до 1917 года. – М.: Русское слово, 2005. - 497с.

18. Кедров К. Секвестром по истории (Фаина Гримберг «Рюриковичи»). //Новые Известия от 15.02.98.
 19. Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории. – М.:Просвещение, 1979. Т.3. – 375с.
 20. Ключевский В. О. О русской истории. М.: Просвещение, 1993. – 576с.
 21. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Наука, 1990. – 478с.
 22. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война. – М.: Русское слово, 1992. – 317с.
 23. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. – М.: Чарли, 1994. – 395с.
 24. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Чарли, 1994. – 412с.
 25. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605) – СПб.: Наука, 1992. – 157с.
 26. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М.: Высшая школа, 2003. – 467с.
 27. Пособие по истории Отечества для поступающих в ВУЗы./ Под редакцией А.С. Орлова, А. Ю. Полунова и Ю. А. Щетинова. – М.: Простор, 1994. – 315с.
 28. Рогов В.А. История государства и права России IX- начала XX вв.: Учебник - М.: Манускрипт, 1994.- 300с.
 29. Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. – М.: Мысль, 2003. – 327с.
 30. Скрынников Р.Г. Россия на кануне «смутного времени». – М.: Мысль, 2003. – 358с.
 31. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Голос, 2004. Т.6-7.
 32. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1989. – 467с.
 33. Татищев В. Н. История российская. – М.: Просвещение, - 1986. Т.7. - 427с.
- Все иллюстрации взяты с CD «Энциклопедия истории России 862-1917». ЗАО «Новый Диск» г.Москва.

Хронологическая таблица

Династический период смуты

1584 год

18 марта – смерть Иоанна IV Грозного.

31 мая – коронование Федора Иоанновича.

1587 год

Борис Годунов становится фактическим правителем России.

1589 год

В Москве Церковный собор учредил патриаршество на Руси и избрал патриархом Иова.

1591 год

1 февраля – Указ о холопах, закрепляющий крепостнические тенденции.

15 мая – Гибель царевича Дмитрия Иоанновича.

Лето – войска Казы-Гирея под Москвой.

1595 год

Тявзинский договор со Швецией, по которому Россия получила область на побережье Финского залива и города Корелу, Орешек, Ниеншанц, Копорье, Ивангород, Ям, Карелию и Кольский полуостров. Эстляндия и Нарва остались за Швецией.

1597 год

24 ноября – издан первый общегосударственный закон, подтверждающий государственный сыск беглых крестьян.

1598 год

7 января – смерть царя Федора Иоанновича.

17 февраля – Земский собор избирает царем Бориса Годунова.

1 сентября – венчание на царство Бориса Годунова.

1600 год

Заговор бояр против Годунова.

1601 – 1602

Указы Годунова, разрешающие крестьянам частичный выход и переносящий на 2 недели срок выхода после Юрьева дня (26 ноября).

1603 год

Неурожай и голод в России. Волнения крестьян. Восстание под предводительством Хлопка.

16 августа – Указ Бориса Годунова, по которому все бездомные холопы могли получить в Москве отпускные. Вскоре он был отменен.

1604 год

Начало – в Литве появился первый Самозванец.

Октябрь – поход Лжедмитрия I в Россию.

1605 год

21 января – поражение войск Лжедмитрия I в сражении с семидесятитысячной армией Ф. Мстиславского под Севском. Побег Лжедмитрия в Путивль.

13 апреля – смерть царя Бориса Годунова.

7 мая - восстание в Московском войске. Под Кромами московские войска перешли на сторону Лжедмитрия I.

20 июня – въезд Лжедмитрия в Москву.

21 июля – венчание на царство Лжедмитрия I.

1606 год

8 мая – коронация невесты Лжедмитрия I Марины Мнишек.

17 мая – восстание против поляков в Москве. Боярский заговор против Лжедмитрия. Убийство Лжедмитрия I.